

Андрей
Ланиус

ЗВЕЗДОЧЕТЫ

Андрей Ланиус

Звездочеты

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57388831

SelfPub; 2025

Аннотация

Публикация историко-приключенческого романа «Завещание Звездочета», действие которого течет по двум временным пластам: в наши дни, в Петербурге, и в 1-ой половине 15 века в Междуречье, чьей столицей был тогда древний Самарканд. Герои повествования пытаются разгадать тайну исчезновения уникальной библиотеки государя-астронома Улугбека. Своеобразным мостиком между эпохами служат малоизвестные подробности деятельности советских ученых по вскрытию гробниц мавзолея Гур-Эмир в Самарканде в июне 1941 года...

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	5
Глава 1. СТРАННЫЙ ЗВОНОК	7
Глава 2. ДРАМЫ ВЕЛИКИХ БИБЛИОТЕК	12
Глава 3. ОБИТЕЛЬ ЗВЕЗДОЧЕТА	19
Глава 4. ДРЕВНИЙ ДОКУМЕНТ	34
Глава 5. БОЛЬШАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ	44
Глава 6. УЧЕНИК ЧИНГИСХАНА	65
Глава 7. ЗАБЫТЫЙ РЕПОРТАЖ	72
Глава 8. ДВЕ ПИФИИ	85
ГЛАВА 9. ЗАВЕЩАНИЕ ТИМУРА	98
Глава 10. ЭКСТРЕННЫЙ ВЫЗОВ.	111
ГЛАВА 11. ТРИ ПРЕТЕНДЕНТА	126
Глава 12. ЗВАНЫЙ УЖИН	131
Глава 13. УГЛОВОЙ ДИВАН	145
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Андрей Ланиус

Звездочеты

Храбрость – это есть не что иное, как терпение в минуту опасности.

Тамерлан, «Уложение».

)

ВСТУПЛЕНИЕ

Несколько всадников неторопливо двигались в ряд по большой, пустынной в этот предзакатный час дороге, что вела к югу от столицы.

Судя по частым взрывам громкого смеха, среди них находился ловкий рассказчик, не дававший своим спутникам заскучать.

Но даже приподнятое настроение не отвлекало людей от той мысли, что дорога вот-вот должна привести их к караван-сарая.

Сумерки уже сгущались, и пора было становиться на ночлег.

Внезапно далеко за их спинами послышался быстрый цокот конских копыт.

Не сговариваясь, путники остановились.

Через несколько минут на ближнем пригорке обрисовался силуэт скакавшего во весь опор гонца в темных одеждах, с характерной лентой на шапке.

– Похоже, у этого молодца есть к нам важное дело, – молвил рассказчик, уже не пытаясь продолжить свою веселую историю.

– Это моя смерть скачет за мной, – тихо, так, что не услышали другие, прошептал свергнувший государь...

Глава 1. СТРАННЫЙ ЗВОНОК

Мог ли я догадываться, что телефонный звонок, раздавшийся в моей квартире около полудня в пасмурный августовский день, повлечет за собой целую вереницу непредсказуемых событий!

Честно говоря, поначалу я вообще не собирался снимать трубку, притом, что ее «соловьиная трель» прозвучала сейчас совсем некстати.

Я как раз сидел в одних трусах за компьютером, набирая очередной материал для еженедельника «Диковинный мир». Уже имелась договоренность, что статью поставят в ближайший номер, что автоматически увеличивало мой грядущий гонорар примерно на полторы тысячи рублей.

Деньги, конечно, невеликие, но еще не было случая, чтобы подобная сумма оказалась лишней в моем кармане. Поэтому я был преисполнен решимости добить текст до последней точки в течение ближайшего получаса и отправить его в редакцию по электронной почте.

Благо, работа спорилась.

И тут – этот звонок.

Телефон всё трезвонил, уже не давая сосредоточиться.

Сбоку от монитора, на одной из полок компьютерного стола, у меня покоилось глиняное, но тонкой работы изделие,

расписанное белой и коричневой краской, полое внутри.

Эта фигурка, купленная мною много лет назад на Сорочинской ярмарке, изображала казака, который сладко посапывал на пышной подушке, скрестив босые ноги и улыбаясь чему-то в своем здоровом богатырском сне.

Иной раз, когда приходилось допоздна засиживаться за компьютером, и глаза уже начинали слипаться, и хотелось послать все редакции к чертям, я переводил взгляд на этого безмятежного гуляку и ощущал неожиданный прилив сил.

Определенно, глиняная безделушка обладала некой магией, снимавшей усталость и стресс.

Я пересчитал цветочки на подушке казака, но испытанный прием не сработал, успокоение не снизошло.

А телефон продолжал трезвонить, будто звонивший точно знал, что абонент находится в квартире.

Чертыхаясь, я вышел в прихожую и выхватил трубку из гнезда.

– Господин Голубев? Краснослав Иванович? – послышался незнакомый мужской голос, словно подстерегавший меня.

– Он самый, – ответил я в третьем лице, тщетно пытаюсь угадать, кто бы это мог быть.

– У вас довольно редкое имя, – заметил он.

– Такова была воля моего покойного батюшки! – отрезал я апробированной фразой. – С кем имею честь?

– Надыбин, Михаил Викторович, – представился он.

Это имя, ровным счетом ничего мне не говорившее, тут

же вылетело из моей головы.

У меня вообще скверная память на имена и цифры, я способен запоминать лишь те из них, которые чем-то «царапают», но если уж запоминаю, то навсегда.

– Это ваша статья была опубликована недавно в журнальчике «Диковинный мир»? – спросил вдруг он.

– В этом, как вы его назвали, журнальчике я печатаюсь регулярно, практически в каждом номере, – с достоинством ответил я. – Какая из моих публикаций вас заинтересовала?

– Та, где идет речь о поисках пропавшей библиотеки Улугбека.

– Да, это моя работа, – осторожно признался я, уже решив про себя, что звонит какой-то педантичный любитель старины, нашедший в моем материале фактологическую неточность и возжаждавший обвинить автора в некомпетентности и невежестве. – Однако позволю себе уточнить, – добавил я, – что опубликована она была не «недавно», как вы изволили выразиться, а месяца три, даже четыре назад.

– Неважно, – словно бы отмахнулся он. – Я прочитал ее внимательнейшим образом с карандашом в руке, как и несколько других ваших статей. И понял, что вы именно тот человек, которого я ищу. Удивительно, как точно вы всё угадали! Нам нужно встретиться. Немедленно.

Откровенно говоря, нетерпеливо-агрессивные нотки, прорывавшиеся в его голосе, меня насторожили.

Уж не псих ли он, мой неожиданный собеседник?

– Послушайте, э-э, уважаемый, спасибо вам, конечно, за ваши теплые слова и за ваш звонок, – я решил отделаться от него с помощью такого безотказного оружия, как вежливость. – Но должен поставить вас в известность, что я, к сожалению, очень занятый человек. Моя ближайшая неделя расписана по часам...

– Да неужели?! – он выдержал паузу и вдруг коротко хохотнул. – Бросьте надувать мыльные пузыри, господин Голубев. Такого лежебоки, как вы, свет еще не видывал. Я всё о вас знаю.

Нет, бесцеремонность этого типа определенно заслуживала более резкого ответа.

– Что вы можете обо мне знать? Что?!

– Ну, например, знаю, что трубку вы снимаете не сразу. Но если звонить настойчиво, то, в конце концов, ваше терпенье лопнет, и вы откликнетесь. Разве не так?

– Послушайте! – начал заводиться я. – Не знаю, кто снабжал вас этой информацией, но мне уже хочется взглянуть на вашу физиономию в упор и сказать вам с глазу на глаз кое-что ласковое...

– Минут через двадцать у вас появится такая возможность, – с бравадой завязтого дуэлянта заявил он и тут же перешел на любезный тон, впрочем, не лишенный задиристости: – Не огорчайтесь, если я расстроил какие-то ваши планы. Всё это пустяки. Я хочу сделать вам предложение, от которого вы вряд ли откажетесь. Я послал за вами машину. По-

лагаю, мой водитель уже подъезжает к вашему дому. С минуты на минуту он позвонит в вашу дверь. Давайте не будем терять драгоценного времени на пустые разговоры. Ведь вам, вероятно, еще нужно одеться? Мне рассказывали, что дома вы работаете в одних трусах. Советую одеться как обычно, в том стиле, когда вы идете по редакциям. У нас будет встреча без галстуков. Ах, да! Чуть не забыл. У вас же плохая память на имена. Повторяю по слогам, можете записать: На-ды-бин Ми-ха-ил Вик-то-ро-вич. Теперь запомнили? Учтите, это не избыточная информация. Нам, надеюсь, предстоит долгая, интересная и плодотворная совместная работа. Ну, всё! До скорой встречи!

В трубке послышались гудки.

Я еще не успел толком осмыслить услышанное, как прозвучал новый звонок – на сей раз дверной.

Глава 2. ДРАМЫ ВЕЛИКИХ БИБЛИОТЕК

И вот уже сверкающий лаком «Мерседес» с затемненными стеклами мчит меня по Приморскому шоссе.

На водителе – форменный китель с золочеными пуговицами и фуражка с черным козырьком и белым верхом, а сам он похож на робота, замаскированного под шофера.

Я попытался разговорить его, но он отделялся односложными обтекаемыми ответами, которые ничего не проясняли. При этом его ни в коей мере нельзя было упрекнуть в недостатке вежливости.

Мне оставалось лишь строить догадки.

Я не переставал спрашивать себя: какого рожна я по доброй воле согласился на эту бессмысленную поездку?! Ведь материал так и остался незавершенным, но, что еще хуже, я потерял к нему интерес, а это означало, что теперь он зависнет в моем компьютере на пару недель. В результате пятого числа я получу на руки двумя приятными банкнотами меньше. Но главное, я нарушил свое обещание редактору, что было совсем не в моих правилах.

А, с другой стороны, меня ожидает встреча со странным и, несомненно, увлеченным некой идеей человеком. Он пе-

речитал «с карандашом в руке» мои статьи, он знает от кого-то о моих привычках и вообще я для чего-то ему нужен позарез.

Этот «Мерседес», этот молчаливый водитель, застегнутый на все свои золоченые пуговицы, наглядно убеждали в том, что неведомый мне пока господин Надыбин располагает определенными, притом немалыми возможностями.

Какое же предложение он собирается мне сделать, и причем здесь моя давняя статья о поисках библиотеки Улугбека?

Мои мысли потекли по другому руслу.

Вообще-то, в редакциях «развлекательно-познавательных» «толстушек» обеих столиц, а также журналов исторической направленности, с которыми я сотрудничаю, меня считают плодовитым автором.

Среди великого множества тем, которые я разрабатываю ради хлеба насущного, у меня есть несколько любимых, к которым тянется душа.

Одна из этих тем – судьба великих библиотек древности и средневековья, судьба роковая, трагическая.

Три самые великие библиотеки античного мира погибли безвозвратно.

Первым кануло в Лету книгохранилище клинописных глиняных табличек древне-ассирийского «царя царей, царя четырех сторон света» Ашшурбанипала, вошедшего в историю почему-то со славой изнеженного, развращенного и без-

деятельного восточного деспота.

Не берусь судить о степени его «изнеженности» и «развращенности», но вот «бездеятельным» называть этого правителя, пожалуй, было бы не совсем верно.

Ашшурбанипал провел немало военных кампаний, отстроил свою столицу Ниневию, поражавшую современников неслыханной роскошью, а главное, собрал первую в мире великую библиотеку, составленную из глиняных книг с клинописными текстами.

По некоторым сведениям, в этой библиотеке в период ее наивысшего расцвета хранились десятки тысяч табличек-страниц, в том числе полный текст эпоса о Мардуке – творце мира и богине Иштар, эпос о Гильгамеше, вавилонские гимны и магические заклинания, сборники древних песен, пословиц и поговорок...

Но еще дед Ашшурбанипала, царь Синахериб, оскорбил вавилонских жрецов.

Те прокляли его и предрекли гибель Ниневии через семьдесят семь лет.

И вот точно в указанный срок блистательная Ниневия была разрушена до основания войсками того же Вавилона и союзной с ним Мидии. Погибла и библиотека, которую не спасли даже ее магические стражи – каменные львы и быки с их золотыми крыльями.

Лишь в 19-м веке археологи раскопали на территории Ирака, близ города Мосул, холм Куянджик, где находился

когда-то дворец «царя царей». Было собрано 25 тысяч глиняных табличек, точнее, их разрозненных фрагментов разной величины, которые хранятся сейчас в Британском музее и в своей массе по-прежнему остаются не прочитанными.

Похожая судьба постигла выдающиеся собрания древних рукописей, манускриптов и свитков в Пергаме и Александрии.

Именно в Пергаме – столице одноименного царства в северо-западной части Малой Азии, городе, основанном еще во времена Троянской войны, научились изготавливать пергамент, что стало настоящей революцией в книжном деле. Прежде рукописи существовали в виде свитков из папируса. И только с появлением пергамента книги получили форму, близкую к современной.

По всему античному миру шла слава о Пергамской библиотеке, в которой хранилось свыше 200 тысяч рукописных книг. Это уникальное хранилище находилось в самой престижной части города – акрополе, под защитой храма богини Афины. Но даже такого рода заступничество не спасло библиотеку от тотального разграбления.

Полководец Марк Антоний, тот самый, один из наследников Юлия Цезаря, руководствуясь лишь собственной прихотью, подарил практически целиком все это книжные сокровища египетской царице Клеопатре, стремясь задобрить ее после того, как по вине римлян сгорела значительная часть Александрийской библиотеки.

А еще через три столетия погибли оба этих собрания, волею судеб собранные вместе.

Четвертая знаменитая библиотека минувших времен, так называемая либерейя Ивана Грозного, считается спрятанной. Предпринимались многочисленные попытки найти ее, но все они так и не дали результата.

По всем этим четырем библиотекам у меня давно уже заведены отдельные папки, куда я систематически вкладываю газетные и журнальные вырезки, ксерокопии страниц научных монографий, распечатки интернетовских материалов...

Другой волнующей меня темой являются события 14-15 веков, связанные с именами грозного «сотрясателя вселенной» Тамерлана, точнее, Тимура, Тимурленга – «Железного Хромца» и его многочисленных потомков.

(Для сведения: Тамерлан, хотя и не по доброй воле, на полвека отсрочил падение Константинополя.)

Эти две темы – «Библиотеки» и «Тимуриды» – долгое время никак не пересекались ни на моем рабочем столе, ни в моем воображении.

Но относительно недавно, кажется, в конце позапрошлого года, я вычитал в одной научной работе, на которую случайно наткнулся в картотеке старых авторефератов, что у правителя-астронома Улугбека была уникальная научная библиотека, собирать которую начал еще его легендарный дед Тимур, привозя в Самарканд редкие книги из всех своих дальних походов. Естественно, что и Улугбек, став государем, а

правил он долгих сорок лет, не упускал случая пополнить это замечательное собрание.

В целом же, совокупный период правления Тимура и Улугбека в Самарканде длился 75 лет, а это означает, что речь идет о весьма значительной и ценной коллекции старинных книг, среди которых могли оказаться многие шедевры античного мира, считающиеся навсегда утраченными, в том числе из Пергамской и Александрийской библиотек!

Предчувствуя свою неизбежную гибель и торжество противников просвещения, Улугбек спрятал библиотеку (или же только наиболее ценную ее часть, что вероятнее всего) с помощью единственного человека, которому доверял всецело, – звездочета и математика Али Кушчи.

Затем мне удалось найти еще несколько редких исторических источников, содержавших отрывочную информацию об этой малоизвестной, но поистине великой библиотеке.

Оказалось, что существует несколько версий о местоположении того тайника, в котором она могла храниться. Периодически предпринимались попытки найти это собрание, но все они также заканчивались безрезультатно.

Вообще, вся история этой библиотеки состояла из сплошных белых пятен. Я заполнил их своими предположениями, основываясь, однако, на логической увязке известных мне строгих научных фактов.

Материалу была предпослана рубрика «Гипотезы».

Статья эта увидела свет около четырех месяцев назад в

«Диковинном мире», но так и прошла незамеченной широкой публикой, не говоря уже о специалистах. По крайней мере, никто мне не звонил, не интересовался подробностями, не задавал вопросов. Скорее всего, многие посчитали ее выдуманной от начала до конца, своеобразной данью восточной экзотике.

А может, и сама библиотечная тема давно уже никого не интересует.

И вот какой-то Надыбин, ссылаясь на эту мою публикацию, нагло отрывает меня от компьютера и буквально силой тащит на встречу с собственной персоной.

Поистине, ничто не пропадает в этом мире без следа.

Ладно, поглядим, что он за птица, и чем продиктован его интерес к библиотеке, растворившейся без следа более пяти веков назад...

Глава 3. ОБИТЕЛЬ ЗВЕЗДОЧЕТА

Ближе к Сестрорецку, в престижной части Курортного района, автомобиль свернул с трассы на боковую дорогу, ведущую к побережью. С обеих сторон красовались стройные корабельные сосны с упругим хвойным ковром под ними. Вдоль обочин – ни одной выброшенной бумажки, ни единой пластиковой бутылки.

Не прошло и минуты, как впереди показался красно-белый шлагбаум, у которого дежурили два добрых молодца с подобием милицейских дубинок на поясах. На свежеструганном столбе висел большой плакат с категоричной надписью «Проезд для большегрузных автомобилей закрыт!», который, надо полагать, и обосновывал «законное» право держать здесь шлагбаум и охрану.

При виде нашей тачки молодцы так лихо подняли полосу перекладину, что моему водителю даже не пришлось притормаживать.

Сразу же за шлагбаумом потянулись респектабельные особняки, обнесенные кирпичными оградами в полтора человеческого роста. Дачная идиллия под боком у мегаполиса. Покой, располагающий к созерцанию и размышлениям. О таких комфортных условиях повседневного быта простому человеку, вроде меня, оставалось только мечтать.

«Мерс» свернул в боковую зеленую улочку и через полсотни метров вкатил через автоматически открывшиеся ворота в просторный двор, в глубине которого в окружении голубых елей и цветочных клумб высился миниатюрный дворец в средиземноморском стиле со спутниковой антенной на одной из башенок. Слева от дворца маняще вытянулся облицованный голубой плиткой бассейн немалых размеров, наполненный прозрачной водой.

На заднем плане наливался соками яблоневоый сад, обрамленный полосой ягодного кустарника.

Что ж, совсем неплохо устроился этот самый Надыбин.

Тут на мраморное крыльцо из дворца вышел высокий, крепко сбитый мужчина в кожаных шортах и облегающей тенниске кремового цвета. Его хорошо развитые мышцы рук и ног покрывала буйная растительность. В волнистой шевелюре кое-где серебрилась ранняя седина. Отросшие и торчавшие во все стороны волосы на висках, как и полные щеки, которых бритва не касалась, похоже, уже дней пять, говорили о том, что данный субъект не склонен к нарциссизму, и что рядом с ним нет женщины, способной побудить его чаще всматриваться в зеркало.

Меньше всего он был похож на банкира-затворника, привыкшего считать прибыль, предварительно запершись на семь запоров.

Вместе с тем, при всей его стати и несомненной физической силе в нем угадывался некий внутренний надрыв.

Застыв со скрещенными руками у края верхней ступени, он сопровождал каждый мой шаг почти гипнотическим взглядом.

И лишь после того, как я взошел на предпоследнюю ступеньку, он разъял руки и протянул мне правую ладонь:

– Рад приветствовать вас, Краснослав Иванович, в своей обители! Полагаю, вы не сильно взъелись на меня за мою бесцеремонность? Но у меня были сведения, что вашу задницу очень трудно оторвать от компьютера, коли уж вы взялись за работу. Вот и пришлось действовать методами натиска и напора, которые, поверьте, я и сам не всегда одобряю. Но вы мне нужны, очень нужны, притом срочно! – и он сжал мою ладонь до хруста, будто испытывая ее на прочность.

Я едва удержался от того, чтобы не вскрикнуть.

– Послушайте, раз уж я здесь, то давайте перейдем к сути дела.

– Стало быть, с церемониями покончено, – усмехнулся он, демонстрируя крепкие зубы. – Быть может, пройдем в дом? Чашка кофе не помешает, а? – и он подмигнул.

– Кто вам рассказал о моих привычках?

– Я многое о вас знаю, – с важным видом заявил он. – И посвящу вас во все свои тайны, но не в один присест, а постепенно. Если, конечно, вы выдержите экзамен.

– Какой еще экзамен, скажите на милость!

– Да не гоните вы лошадей! Расслабьтесь. Будьте как дома. Мы здесь одни. Я даже садовника отпустил, чтобы нам ни-

кто не мешал. Сейчас, пожалуй, и водителя отпущу на час-полтора...

Я понял, что чем скорее приму правила игры этого оригинала, тем быстрее получу интересующие меня ответы.

Через прихожую, где по бокам высились две древнегреческие амфоры, мы вошли в просторный зал с камином. Здесь можно было бы играть в футбол, по крайней мере, типа «парагвай», если бы не добротный дубовый стол на пару десятков персон, занимавший значительную часть помещения. Вдоль стен на высоких колоннах-постаменты стояло несколько мраморных и бронзовых скульптур античных богов и героев вперемежку с бюстами научных деятелей нашей эпохи, а также еще две древние амфоры.

На дальней стене, над камином, так, что сразу бросалось в глаза, висел большой портрет маслом, изображавший некоего господина в тройке, с галстуком-бабочкой в горошек, в круглых старомодных очках, лысоватого и гладко выбритого, с ухоженными усами. Персонаж был запечатлен на фоне моря и какого-то странного замка, объятого пламенем.

Очень знакомое лицо... Где-то я его видел, причем совсем недавно.

При всей моей скверной памяти на имена и цифры, я почти фотографически запоминал характерные лица, и живо мог вспомнить иные человеческие черты, выхваченные мною из толпы случайным взглядом еще лет двадцать назад.

У господина на портрете было очень характерное лицо.

Но вспомнить его «носителя» я так и не смог.

– Это Генрих Шлиман, человек, раскопавший Трою и Микены, доказавший подлинность гомеровских эпосов, – разрешил мои затруднения Надыбин.

Шлиман...

Ну, конечно же! Ведь не так давно я готовил «проходной» материал о петербургском периоде его жизни.

– Это мой кумир! – патетически воскликнул между тем Надыбин. – К фактам его биографии мы еще вернемся. И не раз. А сейчас я предлагаю вам расположиться вот здесь, за журнальным столиком, и взбодриться чашечкой только что заваренного кофе. Впрочем, может, вы не откажетесь перекусить плотнее?

На какую-то секунду мне захотелось послать его вместе с его гостеприимством к черту и уйти, хлопнув дверью, но тут я взглянул на портрет Шлимана, вспомнил, что и тот был склонен к эпатажу, и решил, что как-нибудь перетерплю. Хлопнуть дверью я смогу в любой момент. Сначала выслушаю этого типа, бесцеремонно оторвавшего меня от плодотворной и оплачиваемой, хотя и не по высшей ставке, работы.

Я плюхнулся в глубокое кресло и еще раз, уже с новой точки, обозрел этот роскошный каминный зал. Две двери вели из него, надо полагать, куда-то во внутренние покои особняка. А навверх, на нависающие над частью зала антресоли, соединенные, очевидно, с помещениями второго этажа, вела

винтовая деревянная лестенка, весьма крутая.

– Ваши родные в отъезде? – спросил я для полной ясности всей картины.

– Вообще-то, я живу один, – неохотно пояснил он и добавил: – Днем приходит горничная, а, попросту говоря, уборщица. Есть еще садовник, но он в дом практически не заходит. Водителя я только что отпустил. Кухарку вообще не держу. Еду обычно заказываю в ресторане соседнего мотеля, иногда готовлю сам. Но в принципе я неприхотлив по части быта.

– Вам не скучно одному в таком большом доме?

– Некогда скучать, мой дорогой! Притом, время от времени здесь собираются гости. Бывают коллекционеры, антиквары, археологи, путешественники, историки, литературоведы, музейные и архивные работники... Однажды у меня две недели жил немецкий профессор, известный специалист по Шлиману. Ах, как славно мы с ним пообщались! Я ведь, знаете ли, в свое время специально изучил немецкий язык, подобно тому, как когда-то Шлиман выучил русский.

Хозяин явно ожидал развития темы с моей стороны, но я, честно говоря, все еще пребывал не в своей тарелке.

– Ладно, – сказал я, сделав глоток кофе. – Так что там у вас?

Кофе, надо признать, был превосходный.

– Позвольте мне начать всё же с Генриха Шлимана, – перерзал в своем кресле Надыбин.

– Сделайте милость.

– Вы, господин Голубев, человек эрудированный и, наверняка, хорошо знаете биографию этой замечательной личности. Еще мальчиком он услышал предание о Трое и решил, что обязательно найдет этот исчезнувший город, когда вырастет. Поначалу казалось, что мечта так и останется мечтой. Ведь Шлиман был беден, как церковная мышь.

– Вы нашли весьма точное сравнение, учитывая личность его папаша-пастора, – заметил я.

– Но как же мудро он распорядился своей жизнью! – воскликнул Надыбин с ноткой глубокой почтительности. – Другой на его месте выучился бы на археолога, а затем годами обивал бы чужие пороги, выпрашивая у денежных мешков деньги на экспедицию. Шлиман поступил иначе. Он вник в тонкости торговых отношений, стал своим среди купеческой прослойки, овладел, помимо прочего, искусством извлекать прибыль из воздуха и очень скоро сколотил свой первый миллион, то есть, сам сделался денежным мешком!

– Кстати говоря, дело было в Петербурге, – напомнил я.

– Да! И первая его жена, Екатерина Ивановна, тоже была петербурженкой, русской дворянкой.

– Но брак оказался неудачным, несмотря на рождение трех детей...

– К черту брак! – вдруг вспыхнул он. – Я говорю о творческом методе. До определенного возраста Шлиман успешно делал деньги и объездил весь мир. Он содержал всех своих

многочисленных родственников, и при этом, заметьте, хранил верность своей детской мечте. Более того, активно готовится к ее осуществлению. Он изучил двадцать языков, в том числе древнегреческий, проштудировал курс археологии, выезжал на раскопки с научными экспедициями, чтобы освоить технику профессии, и вот, наконец, почувствовал, что созрел для подвига, да-да, я настаиваю именно на этом слове – подвиг! Заметьте, к этому времени он не нуждался в спонсорах. Он был избавлен от необходимости унижаться и выпрашивать что-либо у состоятельных акул. Он сам был достаточно богат и опытен, чтобы, повинувшись только своей воле, только зову души и сердца запустить механизм достижения истинной цели своей жизни. В тот счастливый час, когда он смог, наконец, принять решение, круто менявшее весь уклад его жизни, ему было сорок шесть лет, возраст расцвета творческой личности.

По пляшущим искоркам в глазах моего собеседника я понял, что он оседлал любимого конька.

– Что ж, дело ясное, – констатировал я, смакуя бодрящий напиток. – Ваша краткая лекция, пронизанная токами патетики, наводит меня на мысль, что вы горите желанием совершить некое открытие в духе вашего кумира.

– Да! – горделиво выпалил он. – Мне тоже сорок шесть лет. Точнее, уже сорок семь. И даже с хвостиком. И я тоже не нуждаюсь сейчас в средствах. Правда, в отличие от Шлимана, я своих денег не зарабатывал, нет во мне предприни-

матерского таланта. Я просто получил наследство от своего отца. Не стану также утверждать, что мне с детства являлась в мечтах моя Троя. Но вот с некоторых пор мне страстно захотелось оставить после себя след, открыть для человечества какую-нибудь древнюю тайну. Я перечитал гору исторических трудов, несколько сезонов подряд выезжал с археологами на раскопки в различные уголки планеты, проехал и прошел пешком по большинству маршрутов Шлимана. Но своей цели найти пока не мог. Я метался, собирая материалы то по одной исторической загадке, то по другой, но видел, что все они ведут в тупик, не дают надежды на озарение. Мне не к чему было приложить переполнявшую меня энергию и мой азарт исследователя. Вот что еще крайне важно, – он как бы погрозил мне пальцем. – Я равнодушен к поискам затонувших либо закопанных пиратских сокровищ. Меня не интересуют клады ни Черной, ни Синей, ни Рыжей Бороды. Я не собираюсь искать ни нацистское золото, ни так называемое золото партии. Мне всегда хотелось найти нечто, имеющее отношение к духовным ценностям. Вот в чем проблема. Вот что не давало мне покоя. И вдруг случилось чудо. Я обрел цель!

Некоторое время я молча смотрел на него.

– Чего уставился? – грубовато спросил он. – Думаешь, я сумасшедший?!

– Напротив, теперь я вижу, что вы человек, достойный всяческого уважения. Поэтому с моей стороны было бы

некрасиво внушать вам ложные иллюзии. Я скажу вам правду: я не специалист по тимуридам. А ведь вы, как я догадываюсь, собираетесь искать библиотеку Улугбека, верно? Я всего лишь профессиональный журналист, работающий с историческим материалом и умеющий выстраивать на основе известных фактов парадоксальные гипотезы и версии. Это мой хлеб, понимаете? Я умею делать такие тексты. Моя статья про библиотеку Улугбека это тоже только гипотеза, чего я, собственно, и не скрывал. Но реальная тайна запрятана очень, очень глубоко. Я перелопатил несколько десятков научных трудов и понял это. Тайна утеряна пять с половиной веков назад. Вы только представьте себе, ведь это больше, чем полтысячелетия! Да, есть разные версии, но все они, все без исключения, туманны и субъективны. Никто даже приблизительно не знает, где ее искать. Ученые умывают руки. А я, как журналист и литератор, просто констатирую этот факт.

– Не гоните лошадей, приятель, – поморщился он. – Пейте лучше кофе. Я и не рассчитываю получить от вас какой-либо конкретной подсказки. Вы мне нужны совсем для другого дела. Что же касается местоположения спрятанной библиотеки Улугбека, то информация на этот счет, причем самая достоверная, окажется в моих руках в ближайшее время, быть может, уже в конце этой недели. Речь идет не о коте в мешке и не об иголке в стог сена. Это подлинный документ 15-го века, с личной печатью Мирзы, найденный около

семидесяти лет назад.

– Так-так-так, доктор! У меня сразу же появилось много вопросов. И первый из них такой: зачем я вам тогда нужен?

Он поерзал в кресле, крикнул, и я вдруг понял, что он ожидал этого вопроса, который, тем не менее, его смущает.

– Ладно, не буду ходить вокруг да около... Дело в том, что я рассчитываю получить от реализации моей мечты определенные дивиденды. Речь идет, конечно же, не о распродаже старинных фолиантов. Я совершенно бескорыстно хочу вернуть их человечеству, а взамен получить немножечко славы. Той славы, которую имел при жизни Шлиман за свои открытия. Той славы, благодаря которой он создал легенду из собственной жизни. Нет, мне столько и не нужно. Но пусть все знают, что это именно я, Надыбин Михаил Викторович, благодаря исключительно собственной инициативе и собственным средствам, разыскал библиотеку Улугбека, скрытую от людских глаз на протяжении почти шести веков. Короче, мне нужен штатный летописец, хроникер, литератор, который был бы постоянно рядом со мной и в художественной форме записал бы весь процесс поиска, понимаете? Так, чтобы ни у кого не оставалось сомнений. Правда, Шлиман писал сам. Но у меня, к сожалению, нет литературной жилки. Не дал Бог умения владеть живым, звонким слогом. Поэтому я давно уже решил про себя: как только вопрос об организации экспедиции перейдет в практическую плоскость, я сразу же приглашу опытного литератора, спо-

собного описать ход событий объективно, красочно, и в то же время, не забывая о моей личной роли. Только и всего. Это ведь справедливо? Или вы считаете меня презренным честолюбцем? Говорите прямо, не юлите!

– Минуточку, сейчас меня больше занимает другой вопрос: почему всё-таки именно я?!

– Я прочитал ряд ваших очерков и понял, что вам тоже небезразлична эта тема. То есть, мы в некотором роде единомышленники. Это первое. Во-вторых, мне симпатичен ваш слог. Кроме того, я по разным каналам собрал сведения о вас, и оказалось, что вы тот самый человек, который идеально вписывается в мой замысел. Вы одиноки, то есть, как и я, не связаны семьей, вы физически здоровы и выносливы, вы умеете держать слово и хранить чужие тайны. Ну, а отдельные ваши недостатки, вроде склонности, скажем так, к созерцательности, сопровождаемой принятием горячительных напитков, всё же не мешают вам периодически браться за ум и энергично наверстывать упущенное.

– Вы мне льстите, – заметил я. – Но, вообще-то, хотелось бы узнать, из каких источников вы почерпнули всю эту удивительную информацию обо мне?

Он рассмеялся:

– Пока могу вам указать только на один из этих источников. Это моя, так сказать, мачеха, Лариса Леонардовна Крутикова, которая считает себя профессиональной журналисткой.

– Вы сказали – Крутикова? Что-то не приходилось встречать эту фамилию на страницах нашей прессы.

– Когда-то она публиковала свои опусы под псевдонимом «Жемчужная», но, по-моему, давно уже не пишет. С тех самых пор, когда пришла брать интервью у моего тогда еще здравствовавшего родителя, после чего уже на завтра он сделал ей предложение, – с едва заметным оттенком осуждения произнес Надыбин. – Но связь с миром журналистики Лариса Леонардовна поддерживает по-прежнему. По крайней мере, себя она позиционирует именно так. Убедитесь сами. Я обязательно познакомлю вас с ней. В ближайшее время... – тут он рубанул воздух ладонью: – Ладно, в сторону мелочи быта! Я предлагаю вам прямо с сегодняшнего дня стать летописцем экспедиции. Экспедиции, формирование которой я рассчитываю завершить в ближайшие две недели. Вы будете получать зарплату, ну, скажем, превосходящую ваши нынешние доходы в семикратном размере. И это – после вычета налогов. Разумеется, все переезды, питание, гостиницы – за счет организации. Плюс премиальные. Плюс крупная премия по итогам нашего совместного поиска.

– Звучит заманчиво, – я откинулся на спинку кресла. – Но хотелось бы уточнить, что конкретно будет вменено мне в обязанность?

– Вам поручается вести ежедневный дневник, фиксируя в нем не только всё наиболее важное, но также и второстепенное. Я обязуюсь не вмешиваться в вашу работу. Хотя, ко-

нечно, иной раз попрошу внести в дневник те или иные соображения. Но в целом вы будете обладать неограниченной свободой для творчества. Даже гонорар за грядущую книгу целиком ваш, – он склонился ко мне. – Я ведь знаю, что и вас гложет демон неудовлетворенного честолюбия. Кто знает, может, эта книга сделает вам имя.

Что-то уж слишком он поверил, этот мятущийся баловень судьбы, что держит меня на коротком поводке.

В свою очередь, я склонился к нему:

– Благодарю за заботу о моем будущем. Я тронут. Почти до слез. Но если уж вы решили доверить мне столь ответственную роль, то давайте начнем первую главу с того, что вы поведаете мне всё-всё о той информации, которая позволит вам, как вы уверены, найти библиотеку. Вдруг ваш документ покажется мне сомнительным? Только после ознакомления с ним я решу, стоит ли соглашаться на ваше предложение.

Я был уверен, что он сейчас начнет брыкаться.

К моему удивлению, он покладисто кивнул:

– Сейчас я посвящу вас в эту историю. Полагаю, излишне напоминать, что на данном отрезке времени она не предназначена для посторонних ушей.

Он подошел к стене, где-то провел рукой, и портрет Шлимана вдруг повернулся ко мне ребром, открыв вид на дверцу сейфа, вмонтированного в стену.

Почти не заслоняя циферблата, Надыбин набрал комбинацию, открыл сейф и достал изнутри нечто, похожее на

большой конверт темно-желтого цвета.

– Здесь лежит бумага, которой более 560 лет! – в его голосе слышалось благоговение. – Но рассказать о ней мне хотелось бы в другой обстановке. – Он оглядел каминный зал: – А давайте перейдем в мой кабинет.

Глава 4. ДРЕВНИЙ ДОКУМЕНТ

Надыбин распахнул одну из внутренних дверей, и мы оказались в небольшом коридорчике без окон, отделанном дубовыми панелями и освещенном светильниками в виде факелов.

В торце коридорчика, за другой дверью, находилось, как я вскоре смог убедиться, отдельное помещение, являвшееся кабинетом моего увлекающегося собеседника.

Это была средних размеров комната, всю дальнюю стену которой занимало широкое окно, выходившее в сад. По обе стороны окна топорщились собранные в складки плотные шторы. Сейчас вся комната была наполнена солнечным светом. Однако не составляло труда представить, что при закрытых шторах она даже ярким днем погружается в полумрак.

Как и в гостиной, здесь тоже имелся камин, только меньших размеров.

Письменный стол, несмотря на свою солидность, также уступал габаритами тому, что стоял в гостиной. Сбоку от него из аккуратно закамуфлированной под нагромождение камней кадки поднимался гигантский кактус, почти достигавший своей колючей макушкой потолка.

Я уже не удивился, увидев на стене портрет Шлимана. Ря-

дом висел еще один портрет – Гомера. Чуть сбоку красовалась древнегреческая маска. Полагаю, это была копия так называемой посмертной золотой маски Агамемнона, найденной Шлиманом при раскопках Микен.

Еще левее висела небольшая миниатюра в рамке.

– Вот! – с гордостью сообщил мне Надыбин. – Гравюра из книги Яна Гевелия. Вытащил вчера из компьютера. Улугбек в кругу виднейших астрономов мира, рядом с музой Уранией – покровительницей астрономии.

– Это всего лишь аллегория, причем довольно поздняя, – заметил я. – Кажется, 17-й век. Улугбек изображен здесь автором-поляком в виде условного восточного мудреца. О каком-либо сходстве с оригиналом говорить, конечно, не приходится.

– Но ведь его прижизненных изображений не сохранилось, так? – сощурился хозяин. – Известный скульптурный портрет Улугбека – это работа нашего антрополога Герасимова, выполненная по черепу. Я слышал, что не все специалисты согласны с его интерпретацией этого образа.

– Существует, по крайней мере, одно прижизненное изображение, – возразил я. – Это миниатюра очень высокого художественного достоинства, подлинник которой хранится в так называемой Фрировской галерее искусств в Вашингтоне. Улугбек изображен на ней в кругу семьи и придворных в момент подготовки к охоте. По мнению специалистов, эта миниатюра выполнена неизвестным автором лет за шесть-семь

до гибели Улугбека. На ней он запечатлен цветущим и полным сил мужчиной, тогда как Герасимов показал его глубоким стариком. Впрочем, логично допустить, что верны оба изображения. Просто последние годы жизни были для Улугбека весьма тяжелыми во всех отношениях, они-то и привели его к нервному истощению и преждевременному упадку жизненной энергии.

– Как вы сказали? – переспросил Надыбин. – Фрировская галерея искусств? Полагаю, это изображение есть в Интернете?

– Скорее всего, да.

– А вы разве не смотрели?

– Я работаю, в основном, с текстами, – ответил я. – Во всем же, что касается рисунков, а тем более компьютерной графики, увы, не силен.

– Там нет ничего сложного! Хотите, я вас немного натаскаю?

– Как-нибудь потом.

– Ладно, к этой теме мы вернемся на досуге. А за подсказку спасибо! Сегодня же поищу эту миниатюру!

Радужным жестом хозяин указал мне на кресло за столом, в коем я и расположился.

Отсюда моему взору предстала противоположная стена, увешанная коллекционным оружием – саблями, кинжалами, дуэльными пистолетами, африканскими копьями и щитами... На фоне лезвий и стволов выделялась гетманская бу-

лава, набалдашник которой густо усеивали конические ши-пы.

В углу, где сходились оружейная стена и широкое окно, на постаменте стояла еще одна древнегреческая ваза. Приглядевшись, я заметил, что она покрыта паутиной трещин, как бы выбегающих из круглого отверстия в ее серединной части.

– Что это за дырочка в вазе? – поинтересовался я.

– Это знак того, что судьба хранит меня для выполнения некой важной миссии, – не без доли напыщенности возвестил он. – Я стоял возле этой вазы, когда в меня со стороны сада выстрелил один нехороший человек. Он был профессиональным киллером, но почему-то промахнулся. Юрий, мой племянник, уверен, что того ослепил блик солнца. Но я-то знаю, что это был перст судьбы, благоволящей к моей мечте.

– И после этого вы повесили плотные шторы, – догадался я.

– Дела давно минувших дней, – отмахнулся он. – Не будем об этом.

Усаживаясь удобнее, я перевел взгляд на письменный стол, где меня ожидал еще один сюрприз.

Сбоку от монитора, так что не сразу заметишь, скалился в ухмылке изящный хрустальный череп весьма тонкой работы.

Перехватив мой взгляд, Надыбин пояснил:

– Это память о еще одном моем нереализованном про-

екте. Возможно, вам известно, что в середине 20-х годов прошлого века американец Митчелл-Хеджес, кстати, археолог-самоучка, нашел в джунглях Центральной Америки древний город майя, а в его развалинах хрустальный череп, изготовленный будто бы с применением неведомых на Земле технологий. Оказалось, что у древних майя существовала легенда, согласно которой боги еще в незапамятные времена подарили людям тринадцать хрустальных черепов. Якобы с их помощью можно проникать в будущее. Позднее такие же черепа нашли в других местах планеты. Одно время я все-таки заинтересовался этой версией. Но потом понял: нет, это не мое. Слишком уж отдает мистикой. В память о том увлечении и остался этот череп, который, конечно же, является обыкновенной поделкой. Эх, дела давно минувших дней!

– Я смотрю, вы не теряли времени даром.

– Именно, что терял, – вздохнул он и снова глянул на меня: – Послушайте, может, вам неприятно соседство с этой штуковиной? Есть люди, которые испытывают неодолимый ужас при одном виде черепа, даже хрустального.

– Лично я смотрю на подобные предметы без всякого трепета. Что же касается неодолимого ужаса, то, признаюсь, я испытываю его перед ползающими тварями. Как-то лет пять назад ездил за грибами и уже потянулся за ядреным моховиком, когда из-под моей руки вдруг шарахнулась в сторону змея. С тех пор я в лес ни ногой, хотя всегда был страстным поклонником грибной охоты.

– А чего их бояться-то, наших змей? – пожал плечами Надыбин. – Они сами, едва завидев человека, готовы спрятаться в первой же норке.

– Вот и мой знакомый Геннадий, профессиональный серпентолог, между прочим, говорит то же самое. Но доводы разума плохо помогают, когда речь заходит о загадках психики. Наши фобии, а они у каждого свои, гнездятся где-то на генном уровне.

– Чай, кофе, сок? – спросил Надыбин после непродолжительной паузы.

– Расскажите лучше о содержимом конверта, который вы так бережно сжимаете в своих могучих руках.

– И вправду, давно пора переходить к делу, – спохватился Надыбин.

Из бокового разреза в «конверте» (беру это слово в кавычки, потому что это был все-таки не конверт) он достал некий артефакт, который выложил, как хрупкую драгоценность, на середину стола.

Это была старинная рукопись. Точнее, один лист из рукописи, исписанный каллиграфической восточной вязью.

С той же осторожностью я взял его и повертел в руках.

Лист был очень плотным, мягким на ощупь с обратной стороны, оба верхних угла имели повреждения, причиненные то ли мышами, то ли временем. Но нижняя часть листа была ровной. Что касается ярко-черных букв, то они казались такими свежими, словно их написали только вче-

ра. На полях стояло несколько круглых и овальных печатей. Буквы на оттисках почти выцвели, хотя их конфигурацию местами еще можно было различить. Несмотря на необычайную плотность бумаги, кое-где виднелись потертости и небольшие дырочки, впрочем, незначительные. Основная часть текста, процентов примерно на девяносто, сохранилась прекрасно.

– Перед вами так называемый ярлык – подлинный самаркандский документ 15-го века, – торжественным голосом возвестил Надыбин. – Это жалованная грамота, выданная мирзой Улугбеком одному из его учеников, как свидетельство освобождения имущества подданного от налогов. Написан ярлык на таджикском языке, которым Улугбек владел в совершенстве. Верхняя часть первого листа документа, к сожалению, испорчена. Сохранившийся текст мне перевели.

– И о чем же в нем идет речь?

– Текст начинается с так называемой инвокации – традиционной для всякого старинного восточного документа хвалы Аллаху. Далее торжественно провозглашаются имена мирзы с цитатами из Корана и обращение к визирам и чиновникам финансового ведомства, в чьем ведении находилось налогообложение: «Да будет им ведомо...» Именно эта часть, наименее существенная для исследователя, пострадала сильнее всего. Ну, затем объясняются причины написания ярлыка: дескать, до сведения правителя дошло, что некто, вопреки законам, чинит неудобство его ученику. Да-

лее указано на освобождение от налогов пожалованного лица и строгий приказ не трогать его близких и родственников. Еще ниже перечисляются конкретные налоги, а их число достигало нескольких десятков, но эта часть уже переходит на отсутствующий второй лист.

– Вы сами решили, что это документ именно 15-го века? – осведомился я. – Буквы уж слишком свежие.

– Послушайте, я же не давал повода считать себя самонадеянным ослом, – с некоторой обидой парировал он. – Эту рукопись я передал по отдельности трем экспертам, которые, изучив ее, независимо друг от друга пришли к схожим выводам. Итак, они констатируют, что документ написан специальными черными чернилами на так называемой самаркандской «султанской» трехслойной бумаге кремового цвета и наклеен на полотно, как обычно поступали в старину с особо ценными документами для их лучшей сохранности.

– Ах, вот почему он такой странный на ощупь с оборотной стороны!

– Эксперты указали, что изгибы букв типичны для 15-го века. Буквы на печатях, а некоторые из них, как видите, можно разобрать, имеют прямоугольную форму, которая на печатях позже 16-го века нигде не встречается. Не буду вас утомлять перечислением других деталей, тем более что их немало. Общий вывод однозначен: перед нами документ именно 15-го века, определенно прошедший через канцелярию мирзы Улугбека, накануне его смещения с престола.

– Прекрасно, – кивнул я. – Освобождение от налогов. Мечта каждого подданного великого государя. Но причем тут пропавшая библиотека?

Надыбин снисходительно улыбнулся:

– Этот текст, по сути, является шифрограммой. Лист, первый лист, который вы держите перед собой, служит всего лишь для отвода глаз. А вот на втором листе, который находится у владельца документа, подробно описано местоположение тайника, где спрятана библиотека, а также изображена схема местности. И этот недостающий второй лист будет у меня не позднее следующей недели. Ну, что скажете? – в его бледно-голубых глазах светилось упоение старателя, почувшего близость золотой жилы.

Некоторое время я хранил молчание, стараясь так сформулировать ответ, чтобы мой визави не обиделся.

– Если всё обстоит столь просто, то где же этот документ мог храниться пять с половиной столетий? Почему за все истекшие века никто не воспользовался заключенной в нем информацией? Почему о его существовании совершенно не известно науке? Наконец, каким чудесным образом этот самаркандский документ, сохранившийся в лучшем виде, попал в ваши руки? Если вы ответите на все эти вопросы без запинки, я, пожалуй, соглашусь, при всем своем скептицизме, разделить вашу бурную радость.

Он сердито зыркнул на меня, но буквально следом по его мясистому лицу вновь разлилось блаженство.

– Вы незамедлительно получите исчерпывающие ответы на все свои вопросы, – возвестил он в духе триумфатора. – Я уже вижу мысленно, как вы начнете чесать свою репу, повторяя: «До чего же всё просто! И почему только я сам об этом не догадался при моем-то богатом воображении!» Но, полагаю, будет лучше, если мы снова переместимся в гостиную. С моим рабочим кабинетом вы ознакомились, и этого пока достаточно. Признаться, я испытываю некоторое чувство вины, осознавая, что недостаточно настойчиво предлагал вам вторую чашку кофе.

– Что ж, давайте вернемся к нашим баранам, – не стал возражать я.

Глава 5. БОЛЬШАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Мы вернулись в гостиную.

– Можете курить, если есть желание, – он поставил передо мной стерильно чистую пепельницу. – А я пока заварю напиток.

Вскоре просторное помещение наполнилось кофейным ароматом.

Надыбин, так и не присев, принялся кружить по свободному пространству гостиной, то хмыкая, то просветленно улыбаясь, то бросая молниеносные взгляды на портрет Шлимана.

– Что вам известно о Большой археологической экспедиции, работавшей в Самарканде в июне 1941 года? – неожиданно спросил он.

– Кое-что известно, – ответил я, – поскольку тимуриды – это одна из тех тем, которыми я интересуюсь особо. Приходилось, в частности, заниматься изучением событий вокруг вскрытия гробниц в Гур-Эмире, событий, породивших новую волну легенд. Правда, в ту свою папку я давно уже не заглядывал, и многое успел подзабыть, но, полагаю, в общих

чертах кое-что припомнить смогу.

– Отлично, – кивнул он с многозначительной улыбкой. – Тогда вам будет проще следить за моей мыслью и даже поправлять меня, если я допущу какие-либо неточности. Итак, в середине июня 1941 года в Самарканде началась, чуть ли не по прямому распоряжению вождя и учителя, раскопка захоронений в мавзолее Гур-Эмир. Ученым предстояло вскрыть саркофаги с останками Тимура и Улугбека, чтобы убедиться, действительно ли Тимур был калекой и действительно ли Улугбек был обезглавлен перед смертью.

– Минуту! – перебил я. – Что касается истинных целей экспедиции, то по этому поводу у специалистов всегда существовал широкий спектр мнений. Если же говорить о конкретных захоронениях, то в Гур-Эмире намечалось вскрытие пяти саркофагов, и этот план был полностью выполнен. То есть, были вскрыты гробницы самого Тимура, двух его сыновей – Мираншаха и Шахруха, и двух внуков – Мухаммед-Султана, сына его первенца Джахангира, и Улугбека, сына Шахруха. Кроме того, в другом самаркандском мавзолее – Биби-Ханым – была вскрыта гробница старшей жены Тимура Сарай-Мульк-Ханум. Между прочим, могила Мухаммед-Султана – любимого внука Тимура, на которого он возлагал большие надежды, рассчитывая передать свою державу именно ему, была вскрыта 24 июня, то есть, уже после начала войны. По плану экспедиции намечалось также вскрытие гробниц ученых-астрономов, учителей Улугбека,

якобы тоже погребенных в Самарканде, но эта работа по понятным причинам была отложена, и, как оказалось, навсегда.

– Ну, вот, а еще жаловались на плохую память! – воскликнул он.

– Я не запоминаю с первого раза, – разъяснил я. – Но после многократного повторения нужное имя, как и число, застрекает в моей памяти так прочно, словно их выжгли там лазером.

– Позвольте мне взять свою неуместную реплику обратно, а главное, поблагодарить вас за

своевременную поправку, – рассыпался он в любезностях. – Теперь я вижу, что вы знаток вопроса, в отличие от меня. Я же знаком лишь с отдельными вехами биографии Улугбека, да и то поверхностно. Кое-что успел прочитать за последние две недели у Герасимова, кое-что выудил из Интернета, где, увы, много мусора, и непосвященному требуется потратить уйму времени, чтобы отделить зерна от плевел. Но если рассуждать с прагматической точки зрения, имея в виду конечную цель, то нас должны интересовать, прежде всего, обстоятельства, связанные с захоронением Улугбека. Вам, конечно, известно, что этот государь-астроном был погребен по другому обряду, чем остальные его царственные родственники?

– Что вы имеете в виду?

– Улугбек был злодейски умерщвлен подосланным убийцей, то есть, умер насильственной смертью, но не в бою. По-

этому его хоронили как мученика, шахида.

– Признаться, я не помню, в чем там разница?

– О, разница велика. В ней-то вся суть! – воскликнул он, определенно радуясь, что и сам получил возможность блеснуть эрудицией. – Тимура, например, хоронили в соответствии с бытовавшей мусульманской традицией. Его тело обмыли, набальзамировали, умастили благовониями, а затем облачили в саван. Улугбека же, как и всякого шахида, хоронили в той одежде, в какой он встретил смерть. Такой существовал ритуал, понимаете? Согласно бытовавшей уже тогда традиции, погибшего в результате насильственной смерти, но не в бою, перед погребением нельзя было ни переодевать, ни обмывать, ни бальзамировать. Поэтому тело вместе с головой, отделенной от туловища, завернули в плотную ткань, после чего поместили в гроб. Но тут-то и возникает ключевой вопрос: в какой же одежде Улугбек встретил свою смерть?

– Постойте, что-то я не пойму, куда вы клоните...

А он с каким-то упоением продолжал:

– Убийство произошло в окрестностях Самарканда, в конце октября, когда по ночам в Средней Азии уже прохладно. Притом Улугбек как раз отправился в долгое путешествие в Мекку. Во что же должен облачиться перед дальней дорогой путник на исходе второго осеннего месяца, зная, что в пути его ожидают холода? Очевидно, одежда должна была быть по сезону, то есть, достаточно теплой и плотной. Согласны?

Интригующая нотка в его интонации снова кольнула меня, и от внезапной догадки у меня мороз пробежал по коже. Нет, это было бы слишком дерзко, чтобы оказаться правдой!

Я даже забыл про кофе.

– Не хотите же вы сказать, что если бы Улугбек спрятал в своих одеждах нечто, например, некую записку, то она перекочевала бы, никем не обнаруженная, вместе с его останками в склеп?

– Именно это я и собираюсь вам втолковать, мой недоверчивый друг! – напыщенно воскликнул он.

Тут уж я и сам начал заводиться.

– Да известно ли вам, господин Звездочет, что Улугбека хоронили дважды?! Сначала, согласно одной из версий, верные ему нукеры нашли его обезглавленное тело на окраине пригородного кишлака, завернули в кусок ткани и тайно доставили в Самарканд, где похоронили в углу двора медресе, носившего его имя. И только через полгода, когда власть в Самарканде опять сменилась, останки Улугбека были ритуально перезахоронены в Гур-Эмире, где они покоятся и ныне?!

– Как раз эту часть истории я усвоил, – кивнул Надыбин. – И хочу вас заверить, что сам факт перезахоронения ничего не меняет. Ибо перезахоронивали Учителя, опять же, как шахида. Лишь завернули в новый кусок ткани. И если документ на его груди, то есть, под одеждами, был скрыт еще ранее, то он, естественным образом, перекочевал вместе с

останками в саркофаг мавзолея!

– Пускай даже так, – кивнул я, прикидывая, как бы врезать по его несусветной гипотезе жесточе. – Но, видите ли, почтенный мэтр... Ваше любопытное предположение с треском рушится в свете событий июня 1941 года, о которых вы сами же и упомянули. Профессор Герасимов, наш знаменитый антрополог, фактически являвшийся главным действующим лицом экспедиции, дотошно описал каждую косточку, извлеченную из саркофага, каждый оказавшийся там предмет, каждый обрывок ткани и даже каждый случайный камешек. Группа кинооператоров-хроникеров под руководством орденоносца Каюмова снимала весь процесс на пленку. Рядом находились корреспонденты газет «Правда» и «Правда Востока», а также ТАСС, которые повсюду совали свой нос и фиксировали все самое интересное. Однако ни они, ни другие участники экспедиции в своих воспоминаниях ни словом не обмолвились о каком-либо документе из гробницы Улугбека. Или вы считаете, что мы имеем дело, ха-ха, с разговором молчания?

«Ну, что, получил на орехи?!» – мог бы спросить я.

Улыбка Надыбина стала издевательской. Он знал что-то такое, чего не знал я.

– Полагаю, господин Голубев, вы невнимательно читали воспоминания этих людей, – заявил он. – Неужели не помните, что участники экспедиции жаловались, мол, в подземелье время от времени гас свет? Причем опытный, зна-

ющий электрик, прикомандированный к коллективу, так и не мог понять, что тому причиной. Так или иначе, людям волей-неволей приходилось периодически подниматься из темного склепа наверх. Второй момент: при вскрытии саркофагов всё помещение наполнялось резким запахом благовоний, отчего археологи испытывали сильное головокружение, и были вынуждены опять же выходить на свежий воздух. Добавьте сюда наши обязательные в любом деле перекуры, и вы без труда поймете, что даже в разгар работ возникало немало моментов, когда внутри склепа не оставалось ни одной живой души. Вы не исключаете, что кто-то из участников экспедиции, а ведь там перебивало много всякого народа, включая подсобных рабочих и даже случайных персонажей, мог, несмотря на царившую вокруг сутолоку, совершенно спокойно и незаметно для других извлечь из саркофага и утаить уже на своей груди этот документ?

– Постойте-постойте! Вы всерьез верите в реальность некоего советского расхитителя гробниц?

– Почему бы и нет! – запальчиво воскликнул он. – Вам ли не знать, что расхитители гробниц, а также скифских курганов и всяческих царских могил были всегда, во все времена, при всех режимах. Без расхитителей не обходилась ни одна археологическая экспедиция. Читайте Шлимана.

– Ладно, пусть так, – не стал спорить я. – Но вопросы все равно возникают.

– Например?

– Например, такой: почему ваш ярлык всплыл только сейчас, почти через семь десятилетий после его гипотетического похищения из саркофага?

– Не гоните лошадей, дорогой друг, – повторил в своей манере Надыбин. – Возможно, всё было гораздо проще, чем это представляется таким искушенным скептикам, как вы.

– С интересом готов выслушать ваши аргументы.

– Ну, так наострите уши! Известно, что еще накануне работ весь Самарканд был наполнен самыми фантастическими слухами. На базарах и в чайханах люди хоть и с оглядкой, но всё же говорили, что под гробницей Тимура спрятаны его сокровища, и теперь Сталин решил их достать, чтобы лучше подготовиться к войне с Гитлером. А еще говорили, что там лежит чудо-сабля Тимура, приносящая победу, сабля, которая разрубает человека на три части с одного удара, и опять же Сталин решил достать ее, пока не началась война, потому что эта сабля приносит ее обладателю победу. Молва утверждала также, что в саркофаге ждет своего часа некий манускрипт, где обозначены все тайники великого эмира. Понимаете, мой друг, мало кто из простых граждан верил, что гробницы вскрывают лишь для того, чтобы по черепам восстановить облики давно умерших деятелей. А теперь представьте, что нашелся достаточно решительный человек, знакомый с местными обычаями. Возможно, он ничего не вычислял заранее. Но когда с помощью талей над саркофагом Улугбека приподняли край тяжелой мраморной

плиты, он был единственным, кто через узкую щелочку заметил бумажный уголок, выглядывавший из-под полуистлевшего куска ткани. Просто этот человек стоял под тем единственным углом, откуда можно было разглядеть манускрипт в саркофаге. Он, этот субъект, был в курсе гулявших по городу слухов, и в его мозгу в единый миг вспыхнула ослепительная догадка: ага, карта сокровищ действительно существует, только спрятана она не в гробнице Тамерлана, как утверждали многие жители, а в захоронении Улугбека! Включите черт возьми, воображение, ведь вы – литератор... Впереди еще много тяжелой физической работы, плита весит без малого полторы тонны, и тут старший техник объявляет перекур. Ученые и рабочие, а также все ваши коллеги-корреспонденты поднимаются наверх. А может, именно в этот момент погас свет. Так или иначе, склеп опустел. В нем остался лишь наш наблюдательный и хорошо информированный о базарных пересудах фигурант. Он уже не сомневался, что ключ к сокровищам лежит здесь, именно среди останков Улугбека. Не исключено, что решение завладеть документом пришло к нему спонтанно. Скорее всего, у него с собой был фонарик. Ведь свет гас то и дело, и многие участники экспедиции носили фонарики. Среди инструментов нашлась, надо полагать, подходящая жесткая проволока. Он загнул один конец в виде крючка и, подсвечивая себе фонариком, извлек из саркофага через узкую щель древний документ, после чего успел еще нагнать своих товарищей, неторопливо подни-

мавшихся к выходу. Вся операция от силы заняла две-три минуты... Вот, видите рваное отверстие здесь, в уголке? – он придвинул ко мне документ. – Его вполне могла оставить проволока...

Возникла пауза.

Я уже знал, как раскатать Надыбина по полной программе, но решил сначала поиграть с ним немного в кошки-мышки.

Должен же я хоть частично воздать ему за ту бесцеремонность, с которой он оторвал меня от моей повседневной творческой работы, пренебрежительно именуемой в некоторых *высоких* литературных кругах «поденщиной»!

– А вы всё же кокетничали, утверждая, что плохо знаете историю Востока, – тоном сладкоголосого подпевалы заметил я. – Судя по приведенным деталям, вы основательно проштудировали некоторые источники.

– Клянусь вам, я полный профан по этой части! – он молитвенно сложил руки на груди. – Что же касается изложенной версии, то я попросту пересказал вам ее со слов того самого человека – хозяина данного документа, только и всего. Фактически это всё, что я знаю о той эпохе и о тех событиях. То есть, я говорю, конечно, об эпохе Тимура – Улугбека.

– Значит, на ваш взгляд, документ подлинный?

– Уверен, что да!

– Разрешите взглянуть еще раз... – я протянул руку.

– Пожалуйста, – он вручил мне рукописный лист.

Я осмотрел ее со всех сторон, поднес к глазам:

– Стало быть, эта бумага извлечена из саркофага Улугбека, так?

– Я уже битых полчаса толкую вам об этом!

– Что ж, это меняет дело...

– То есть, я вас убедил?

– Напротив, разочаровали окончательно. Это полная липа, мой любезный Звездочет.

– Что вас смущает? – нахохлился он.

– Отличное состояние представленного документа.

– Вам ведь известно, что он находился в герметично закрытой камере, – напомнил Надыбин.

– В том-то и дело! Ибо в этой, как вы ее назвали, герметично закрытой камере мирзы Улугбека, ученые обнаружили, по выражению того же Герасимова, феноменальное количество хитиновых оболочек мушиных куколок, – не удержался я от резкого выпада. – Извините уж за столь неэстетичную подробность, но факт есть факт. И этот факт перечеркивает возможность сохранности бумаги, то есть, клетчатки, в первозданном практически виде.

– У вас всё? – усмехнулся он, не обнаруживая и тени смущения.

– Нет, не всё! – отрезал я и нанес ему окончательный, как мне казалось, нокаутирующий удар: – По рассказам старожилков, в середине девятнадцатого века, накануне вступления в Самарканд русских войск, вблизи Гур-Эмира прово-

дились строительные работы, в ходе которых по неосторожности был запружен один из крупных арыков. К тому моменту, когда спохватились и разобрали запруду, вода успела затопить подвальное помещение склепа. Правда, воду быстро вычерпали, но было очевидно, что она частично просочилась в саркофаги. Археологическая экспедиция 41-го года подтвердила и этот факт тоже. Пускай внутрь саркофага попало даже совсем немного воды, но ее испарения все равно повредили бы документ. Однако на нем нет никаких следов, которые указывали бы, что он побывал в жидкой среде.

Надыбин выдержал мой натиск с олимпийским спокойствием, более того, заулыбался еще шире.

– А теперь взгляните сюда, дорогой друг, – он помахал в воздухе тем самым темно-желтым «конвертом».

Впрочем, мне уже было ясно, что это никакой не конверт.

– Это футляр из тончайше выделанной прочнейшей кожи! – с сардонической улыбкой нанес мне ответный удар Надыбин. – Готовясь в дальний путь, Улугбек, конечно же, мог предположить, что его одежда намокнет при переправе через реку или в случае внезапного ливня. И он заранее заказал непромокаемый футляр для столь важного документа. Нет, вы только пощупайте, какая кожа!

Я помял футляр в руках, посмотрел его на свет.

Кожа была тонкой, как шелк, и настолько мягкой, что футляр свободно умещался в кулаке. По его периметру на просвет виднелась цепочка еле заметных дырочек.

– Документ был вложен в этот футляр и прошит вместе с ним по краям крепкой нитью, а может, и жилой, – пояснил с победоносным видом Надыбин. – В свою очередь, футляр был пришит изнутри к халату, возможно, даже под подкладкой. Вот почему документу не причинили вреда ни время, ни насекомые, ни вода... Очевидно, кожаный футляр крепился к халату менее прочными нитями, чтобы их можно было быстро сорвать при необходимости. За пятьсот лет эти нити истлели, и футляр отделился от одежды. Притом, тело ведь лежало в особой позе, с приподнятым правым плечом, и, вероятно, футляр проглядывал каким-то краешком сквозь прорехи в истлевшем халате... Ну, я вас убедил?

Что я мог ему ответить?

– Сам футляр вы отдавали на экспертизу?

– Конечно! И тоже разным, независимым друг от друга специалистам. Все, без исключения, датировали его серединой 15-го века, а регионом происхождения материала называли Среднюю Азию. Те же повреждения, что все-таки имеются на документе, возникли в результате менее щадящих условий для хранения в течение последних десятилетий, то есть, уже после извлечения документа из саркофага...

Признаться, Надыбин уложил меня на обе лопатки.

И, знаете, что я вам скажу?

В глубине души я был только рад этому. Я ведь не из вредности с ним спорил. Мне тоже хотелось узреть чудо, но настоящее, без обмана!

Неужели оно, настоящее чудо, действительно передо мной?!

– Ладно, – сказал я. – Не буду изображать из себя непреклонного адепта махровой официальнойщины, каковым никогда не являлся. Готов даже допустить, что вашей версии не откажешь в логике. Но меня сильно смущает одно обстоятельство, о котором я уже упоминал. С момента вскрытия гробницы прошло более 70 лет. Почему за это время древние книги из библиотеки Улугбека так и не выплыли хоть где-нибудь. Почему этот наш мистер Икс, этот таинственный советский расхититель гробниц, не воспользовался богатыми плодами своей бесчестной акции? Уж не он ли является продавцом документа? Сколько же тогда ему лет? Сто или больше?

– Попробуйте взглянуть на дело под другим углом и тогда, быть может, простые ответы придут к вам сами собой, – продолжал дожимать меня Надыбин. – Гробница Улугбека была вскрыта накануне войны. Документ, как вы изволили видеть, написан на фарси, то есть, по-таджикски, а наш персонаж этой письменности, наверняка, не знал, поскольку принадлежал к европейской части населения города. Возможно, он планировал постепенно найти надежного переводчика, затем отыскать тайник и уже видел себя в мечтах обладателем несметных сокровищ. Он ведь, скорее всего, не догадывался, что речь идет лишь о старинных книгах. Но тут вмешались форс-мажорные обстоятельства: война! Нетрудно предполо-

жить, что наш мистер Икс, этот расхититель гробниц, как вы его назвали, имел, вероятнее всего, призывной возраст. То есть, вскоре он был мобилизован и отправлен на фронт, где, надо полагать, погиб. Похищенный же им документ остался лежать в тайнике, но теперь уже в другом.

– Вот тут и начинаются детали, в которых, быть может, скрывается пресловутый дьявол, – не сдавался я.

– Тут не детали, а подлинная житейская история.

– Что ж, давайте я послушаю.

Надыбин отрицательно покачал головой:

– К сожалению, это территория чужой семейной тайны. Я дал продавцу слово молчать, и не могу нарушить своей клятвы. Уверяю, однако, что меня лично объяснения продавца удовлетворили вполне. Со своей стороны, обещаю свести вас с этим человеком в ближайшее время. Полагаю, он ответит на все ваши вопросы и завоюет ваше доверие, как завоевал мое.

– Ладно, – притворно вздохнул я, чувствуя, однако, как меня тоже охватывает некая эйфория. – Не будем трогать чужих семейных тайн. Но я силюсь понять: почему этот продавец сам не возжелал добраться до тайника, где, как он полагает, хранится золото тимуридов?

– Потому что ему известен перевод, из которого ясно следует, что в тайнике не золото, а книги.

– Древние книги, – уточнил я, – за которые могут дать хорошую цену. Очень хорошую!

– Это всё равно, что торговать шедеврами, украденными из прославленного музея, -хмыкнул Надыбин. – Впрочем, не буду касаться этической стороны дела. Замечу только, что всякая попытка заключить крупную сделку на черном рынке коллекционных вещей, связана с огромным риском, где ставкой может быть жизнь. А наш продавец – человек простой и скромный, вдобавок, довольно боязливый. Случайно сделавшись обладателем древней тайны, он оказался перед дилеммой: либо передать документ в государственный орган, что тоже могло бы навлечь на его голову немало неприятностей, хотя и другого рода, либо найти состоятельного коллекционера и негласно продать ему древний ярлык. Он выбрал второе, и я, зная все обстоятельства этого решения, его вовсе не осуждаю.

– Он сразу же вышел на вас?

– Ну, почему же на меня? Он обратился к букинистам, к антикварам, и, в конце концов, один из них назвал ему мое имя. Он позвонил мне по телефону. Мы встретились. Он передал мне первую страницу документа, чтобы я мог проверить ее подлинность, а вторую страницу, на точно такой же бумаге, где указаны координаты тайника и изображена его схема, оставил у себя, показав мне ее и даже дав подержать в руках.

– Стало быть, проверка подтвердила подлинность документа? Во всяком случае, этой первой страницы?

– Абсолютно! Как и кожаного футляра. Я вам уже гово-

рил, и могу повторить еще тысячу раз.

– Продавец знает, где находится тайник? Он был там?

– Да. Он сообщил мне об этом. В самых общих чертах, разумеется.

– Он видел там книги, касался их, держал их в руках?

– Этот вопрос мы выносим за скобки.

– Но лично вас его версия удовлетворила?

– Вполне! – не довольствуясь этим энергичным восклицанием, он повторил еще раз: – Вполне.

– Простите за нескромность, но хотелось бы знать, как дорого он запросил?

– Терпимо. – Надыбин тонко улыбнулся: – Признаюсь вам откровенно, между нами, разумеется. Я без колебаний заплатил бы и в пять, и в десять раз больше.

– А в чем причина задержки? Почему вторая страница до сих пор не у вас?

Надыбин горестно вздохнул:

– Обычная людская недоверчивость.

– Вы всё же опасаетесь обмана с его стороны?

– Нет-нет! Я опасаюсь, что, получив деньги, он, может быть, по неосторожности, проболтается кому-нибудь о нашей сделке, и она получит огласку, после чего тайна перестанет существовать. И тогда у меня просто перехватят пальму первенства, как это случилось уже не раз в истории археологии, да и науки в целом. Я тяну с выплатой только по этой причине, ибо не получаю от него ясных сигналов о том, что

он будет нем, как рыба. Хотя, по моему впечатлению, это весьма осторожный и порядочный человек. Но ведь тут дело не в порядочности, а в элементарной беспечности, которая свойственна, увы, даже очень приличным людям. Пока он не получил денег – он молчит, но едва чек окажется у него в кармане, как я уже не смогу поручиться за его язык. – Новый вздох. – А он, со своей стороны, тоже, похоже, беспокоится, что я, получив документ, не переведу ему всей обещанной суммы. Словом, ситуация зашла в небольшой тупик, и я пока не представляю, как из этого тупика выбраться. – Вдруг он пронзительно глянул на меня: – Послушайте, может, у вас есть какая-нибудь свежая идея на этот счет?

– Просто откройте ему свои карты, – сказал я первое, что мне пришло в голову. – Предложите, так сказать, дополнительный протокол к основному договору. Растворите ему, что не собираетесь делать бизнес на библиотеке Улугбека. Мол, вам нужна только слава первооткрывателя, что требует на данном этапе завесы полной секретности. А чтобы стимулировать его интерес, пообещайте ему к основной сумме дополнительные премиальные, гарантируя выплату, например, после завершения экспедиции. Вы же сами признались, что готовы заплатить за документ вдесятеро больше. Стало быть, в накладе не останетесь. Такого рода соглашение, как мне кажется, развеет дымку подозрительности между вами.

Он какое-то время молча смотрел на меня, затем воскликнул:

– А, пожалуйста, я так и сделаю!

– Вот и чудесно. Разрешите мне еще взглянуть?

– Пожалуйста, – он придвинул свое сокровище ко мне.

Я осмотрел не столько документ, как футляр. Неудивительно, что я принял его за конверт: толщиной кожа не превосходила обычную почтовую бумагу, будучи при этом несравненно прочнее.

Что ж, такой футляр, да еще основательно зашитый со всех сторон, мог служить надежной защитой для содержимого.

– Благодарю вас, – я вернул ему и ярлык, и футляр.

– Я чувствую, наша встреча оказалась более плодотворной, чем можно было предположить, – он остановился напротив, слегка наклонившись ко мне: – Послушайте, вот о чем хочу вас спросить: Улугбек действительно пал от руки собственного сына?

– Честно говоря, это довольно темный и запутанный исторический детектив, где все точки над «и» еще не расставлены.

– Вы не могли бы рассказать мне об этом, хотя бы в самых общих чертах? Стыдно признаться, но я почти ничего не знаю о тимуридах. Заглянул в Интернет, но там слишком большой, а главное, сухой и противоречивый массив сведений.

– Могу вам дать список действительно полезной литературы.

– С благодарностью приму, но, поймите, сейчас у меня масса дел и на чтение просто не остается времени. Волей-неволей, я должен восполнять недостаток знаний на ходу.

– Похоже, у нас еще будут возможности побеседовать на эту тему, – ответил я. – Учтите только, что я не доктор исторических наук, я просто дотошный любитель старины.

– Это именно то, что мне нужно. Полагаю, наша очередная встреча не за горами? Но вы, Краснослав Иванович, еще не дали мне своего согласия на наше сотрудничество. Мы могли бы подготовить договор по всей форме, текст я уже набросал. А вместе с договором я подпишу и авансовый чек.

– Вы сделали мне интересное предложение, – ответил я. – Но я должен поразмыслить. Притом, у меня еще есть обязательства перед моими творческими партнерами.

– О, конечно, конечно! Сколько времени вам понадобится на то, чтобы уладить дела?

– Я вам сам позвоню, – мне, признаться, не хотелось связывать себя никакими обещаниями.

Он вручил мне свою визитку и проводил на крыльцо, возле которого уже стояла та же машина.

– Наше поселение охраняется довольно плотно по всему периметру, – сказал напоследок Надыбин. – Но я внесу вашу фамилию в список, и вас будут пропускать свободно. Приходите в любое время. – Следом он махнул водителю: – Анатолий! Отвези нашего гостя, куда он пожелает.

Глава 6. УЧЕНИК ЧИНГИСХАНА

Все источники утверждают, что великий полководец и завоеватель, «сотрясатель вселенной», любимец счастливых расположений звезд Тимур был неграмотен, то есть, не умел ни читать, ни писать.

При этом даже самые ярые его хулители, в частности, его заклятый враг историк Ибн Арабшах, сообщают, что Тимур обладал феноменальной памятью, свободно говорил на трех-четырёх языках и успешно участвовал в религиозных диспутах, разбираясь в тончайших нюансах вероучения.

Знаменитый арабский философ и историк Ибн Хальдун, с которым Тимур подробно беседовал в марте 1401 года после взятия Дамаска, был поражен глубиной исторических познаний великого эмира.

Ценил Тимур и поэзию и неплохо разбирался в ней. Он без натуги мог процитировать подходящее четверостишие по тому или иному поводу.

Словом, утверждение о безграмотности восточного властелина выглядит построенным на песке.

Скорее всего, Железный Хромец считал, что публичная демонстрация умения читать и писать – «не царское дело».

Особенно хорошо Тимур знал историю создателей мировых империй Александра Македонского – Искандера Двуро-

гого и Темучина – Чингисхана.

Он, Тамерлан, и сам ведь встал с ними вровень, завоевав полмира. Разве его гигантская держава, раскинувшаяся от Эгейского моря до Восточного Туркестана, не потрясала воображение своими размерами?

Завоевав полмира, он, так же, как и они, выполнил половину задачи.

Однако вторая, самая трудная ее часть, заключалась вовсе не в том, чтобы завоевать другую половину мира.

Тимур уже знал, что ни один смертный не в силах сделать это, ибо человеческая жизнь слишком коротка.

Вторая половина задачи состояла в том, чтобы подготовить и оставить после себя достойного наследника, способного продолжить и завершить начатое.

Достойного же наследника могла дать только большая, крепкая и дружная Семья, сплоченная кровными узами.

Искандер Двурогий, похоже, так и не понял этого.

Он вообще не имел Семьи, в привычном понимании этого слова.

Потому-то его империя развалилась сразу после его смерти, был убежден Тимур.

С потомством Чингисхана дело обстояло гораздо сложнее.

Летописи говорили, и Тимур знал это наизусть, что общее число мужских потомков великого кагана к концу его жизни достигло примерно ста человек – это пятеро сыновей, по-

рядка сорока взрослых внуков, а еще много дюжин подрастающих правнуков.

Но только первые четыре сына Чингисхана от его старшей жены Борте из племени кунграт стали родоначальниками «золотого рода», оставив заметный след в истории.

Все эти четыре сына – Джучи, Чагатай, Угедей и Тулуй – были умны, отважны, находчивы, решительны и влиятельны. Каждый из них пользовался авторитетом и в армии, и среди простого народа.

Почему же столь достойная смена не смогла завершить начатое отцом, спрашивал Тимур себя и сам же давал ответ.

Беда в том, что не было между старшими сыновьями великого кагана ощущения единой Семьи.

В дни молодости Темучина – Чингисхана воины враждебного племени меркитов совершили внезапный налет на его стойбище и увели в плен его молодую жену Борте, которая в ту пору будто бы была беременной. Позднее, когда ее отбили, Борте родила мальчика, которого Темучин признал перед всеми своим сыном и назвал Джучи.

Время шло, однако нездоровые слухи среди монголов о происхождении Джучи не только не прекращались, но даже усиливались.

В нагнетании этих порочащих пересудов участвовали даже его младшие братья, особенно Чагатай.

Это приводило к частым ссорам и размолвкам, принимавшим порой весьма острую форму.

Безобразные сценки разыгрывались даже в присутствии самого Чингисхана.

Как-то раз, на важном совещании, когда Чингисхан дал первое слово, как положено, старшему сыну, Чагатай, не удержавшись, вскочил с места и закричал: «Почему мы должны повиноваться этому наследнику меркитского плена!» (Другие источники утверждают, что он выразился гораздо резче, назвав старшего брата «меркитским выродком».)

Можно только догадываться, какие выражения употреблял Чагатай, склонный к крепкому слову, в кругу своих подчиненных. Он словно не понимал, что этими подозрениями оскорбляет еще и собственную мать.

Джучи в ответ схватил Чагатая за воротник и, в свою очередь, принялся осыпать его оскорблениями, предлагая немедленно устроить борцовский поединок, если только будет на то воля их родителя и государя.

Слово за слово, разгорячившиеся братья едва не вцепились друг в друга.

Чингисхан строго отчитал обоих и запретил им ссориться впредь, да только это мало повлияло на степень кипения их вражды, пустившей глубокие корни.

Так или иначе, но Чингисхан, размышляя о том, кого объявить своим наследником, вынужден был отвергнуть кандидатуры обоих старших сыновей, и мог делать выбор только между двумя младшими. А это все-таки был не самый луч-

ший выбор, вот какая штука!

Наконец, Чингисхан принял тяжелое, но политически неизбежное решение.

На рубеже 1227 года его старший сын Джучи погиб якобы во время охоты.

Мало кто в монгольских степях сомневался, что эта смерть не была случайной, и что убийц подослал сам великий каган.

Позднее историки сочинили, будто Джучи замышлял отложиться от отца, за что, мол, и поплатился.

Пустые выдумки все это, считал Тимур.

Чингисхан пытался разрядить, наконец, обстановку в своей Семье, устранить источник неутихающего раздора.

Отец принес сына в жертву ради грядущего единства Семьи!

Вот только ничего хорошего из этого не получилось, ибо семена раздора уже дали ядовитые всходы в Доме великого кагана.

Отец ненадолго пережил старшего сына, назвав перед смертью своим наследником все-таки Угедея.

Хан Угедей правил неполных 13 лет.

Он поддерживал прежний порядок и даже расширил Монгольскую империю, как на Востоке, так и на Западе.

Вместе с тем, он слыл запойным пьяницей, особенно в последние годы жизни.

Так и умер после очередного пира, перебрав хмельного.

И хотя он тоже оставил завещание, в котором назвал имя наследника, но власть в империи перехватила, пользуясь «дырами» в монгольских законах, его главная жена Туракина-хатун, женщина некрасивая, властолюбивая, взбалмошная и мстительная, а вдобавок ко всему еще интриганка, отравительница и колдунья.

За пять лет своего правления она смертельно перессорила между собой едва ли не всех представителей «золотого рода», внесла в Семью раскол и смуту.

Чингисхан завещал своим потомкам согласие и единодушие, но все ли возможное он сам сделал для этого?

Похоже, что великий каган положился кое в чем на волю небес, вместо того, чтобы строже прописать законы престолонаследия.

Потому-то его империя быстро дала трещины и, спустя всего несколько десятилетий, распалась на обломки, часть которых, наследство Чагатая, снова объединил он, Железный Хромец.

Тимур был полон решимости избежать тех ошибок, которые совершили его учителя, Искандер и Чингисхан.

Недаром же его, Тимура, прозвали Сахибкиран, что означает «обладатель счастливого сочетания звезд».

Но ведь звезды благоприятствуют ему лишь по той причине, что он сам заранее старается все предусмотреть, изучая опыт неудач своих предшественников.

Железный Хромец был уверен, что открыл секрет бес-

смертия для своей державы, разгадал тот единственно правильный порядок, при котором семьсот поколений его потомков будут править счастливо и безмятежно, чтя память о нем, Тимуре, основателе нового «золотого рода».

Глава 7. ЗАБЫТЫЙ РЕПОРТАЖ

Вернувшись домой, я первым делом налил себе стопку из последних запасов и промочил горло. В холодильнике было пусто, в кармане тоже. На моей пластиковой карточке висела последняя тысяча рубликов. Еще полторы тысячи я сам похоронил в компьютере. Материал был практически готов, и на его доводку требовался какой-то час. Но никакая сила в мире уже не могла меня заставить уткнуться в экран монитора.

Радужные горизонты манили в неизведанную дорогу, виртуальный праздничный фейерверк гремел и сиял где-то над головой, предвещая новую жизнь.

Сказать по правде, рассказ Надыбина покорила меня своей безыскусной логикой, против которой не сработал ни один из моих аргументов.

У меня богатая, необузданная фантазия, сочинять сюжеты – моя профессия, но, пожалуй, такого поворота я не смог бы вообразить. Рукопись, которая более 500 лет пролежала в гробу, а затем обрела второе дыхание на волне невероятного стечения обстоятельств, ну, как такое можно придумать! Ценнейший исторический документ похищается неким неприметным субъектом фактически на глазах у большой группы археологов, историков и работников СМИ!

И я держал этот документ, по крайней мере, часть его, в собственных руках!

Каково!

А ведь я и сам знал, что Улугбека похоронили как шахида, только не придавал значения этому аспекту. И вот выясняется, что за этой традиционалистской подробностью скрывается колоссальная сенсация, которая может привести к поистине эпохальному археологическому открытию.

Знал я и о том, что при вскрытии гробниц Гур-Эмира необъяснимо гас свет, происходили всякие странности, но мне и в голову не приходило связывать всё это воедино.

Погоди-ка, сказал я себе. Не суетись. Задачи надо решать последовательно. Ты всегда руководствовался этим правилом, вот и сейчас не отступай от него.

Давай-ка проверим версию господина Надыбина на прочность еще раз, прямо сейчас, не сходя с места.

Тем более что такие возможности у нас имеются.

Вообще, вокруг вскрытия гробниц мавзолея сложилось уже немало собственных легенд и всякого рода баек. Самая популярная гласит, что из саркофага Тимура, вскрытого якобы именно в 4 часа утра 22 июня 1941 года, вырвался дух войны, который и стал причиной нападения Гитлера на Советский Союз.

Комментировать тут нечего. Придерживаясь строгих фактов, я могу лишь отметить, что мраморная плита с гробницы Тимура была снята 19 июня в 19.30 по местному времени.

Если дух войны и вырвался на волю, то именно в тот момент.

Впрочем, сейчас все мои мысли были направлены на проверку некоторых запомнившихся мне положений и тезисов из аргументации Надыбина.

Мне показалось, что я назвал ему еще не на все противоречия этой истории.

Я достал из ниши пухлую папку, в которой у меня были собраны вырезки, ксерокопии материалов и разрозненные записи, касавшиеся деятельности Большой археологической экспедиции 1941 года.

Где-то среди этой бумажной массы должна была находиться подборка ксерокопий, которые я сделал в свое время по материалам газет «Правда» и «Правда Востока» за июнь 1941 года.

Эти газеты я заказывал в библиотечном корпусе на Фонтанке еще лет пять назад, когда прочитал в какой-то интернетовской статейке, что власти скрывали от советских людей сам факт раскопок в Гур-Эмире.

Скрывали или нет, я и сам тогда не ведал, вот и решил проверить, так ли оно было, тем более что эта информация могла пригодиться мне при подготовке других материалов.

Когда старые подшивки за июнь 1941 года впервые оказались передо мной, я не смог удержаться от того, чтобы просто не перелистать их от начала до конца для общего впечатления.

Странное, почти нереальное ощущение духа минувшей

эпохи возникало при беглом взгляде на международную страницу, которая появлялась в каждом номере «Правды».

«Сообщения германского командования»... «Коммюнике английского командования»... «Сообщения итальянского командования»... Карта боевых действий в Сирии... Карта высадки десанта на острове Крит... Бои в Африке... Боевые действия японцев в Тихом океане...

Весь мир воевал, словно сошел с ума, и только наша страна жила своей мирной жизнью, строила, создала и даже проводила конкурсы художественной самодеятельности.

Причем, по общему тону публикаций даже мысли не возникало, что Советский Союз в ближайшее время может вступить в войну.

Очевидно, именно таким было и мироощущение большинства читателей того времени.

Лишь в номере от 14 июня появилось известное сообщение ТАСС, где все же содержались тревожные нотки, да изредка встречались лаконичные заметки о передвижениях к нашей границе финских войск.

Номер от 22 июня своим содержанием мало отличался от предыдущих.

Да иначе и быть не могло. Ведь газету верстали вечером, тираж печатали, очевидно, ночью, а по торговым точкам развозили уже под утро.

И лишь следующий номер, от 23 июня, был целиком военным.

Здесь публиковалось выступление Молотова, которое он делал, как было отмечено, по поручению Сталина. Рядом размещался большой портрет Сталина: рисунок, а не фотография. Кажется, это было единственное изображение вождя в газете за весь предыдущий период с начала месяца.

Посмотрел я и первые сводки Совинформбюро.

Практически все сообщения до конца месяца носили строго-спокойный характер. Утверждалось, что на всех участках фронта враг отброшен за линию государственной границы, и лишь на Гродненском направлении сумел закрепиться на занятых рубежах, но будет, несомненно, выбит, как только подойдут наши подкрепления... Пленные немецкие летчики утверждали, что фашисты гонят солдат в бой под угрозой оружия, и что простой народ ненавидит Гитлера...

Можно допустить, что те, кто читал июньскую «Правду» в далеком Самарканде, действительно верили в нашу не просто скорую, а в моментальную и триумфальную победу...

Затем я перешел к предмету своих изысканий.

Информацию о раскопках в Гур-Эмире «Правда» начала давать с 10-го июня. Это были, в основном, небольшие, хотя и весьма емкие заметки без подписи.

Куда более обширные репортажи публиковала издававшаяся в Ташкенте «Правда Востока».

И вот тут-то, когда я перешел к материалам этой газеты, которых за период с 18 по 25 июня было напечатано шесть,

меня ожидал сюрприз.

Под всеми репортажами стояла подпись специального корреспондента Михаила Шевердина.

Дело в том, что я знал этого человека, видел его вживую!

Михаил Шевердин был народным писателем Узбекистана, широко, огромными тиражами издавался в Средней Азии, начиная с 60-х годов прошлого века, и пользовался определенной популярностью среди русскоязычных читателей региона.

Писал он, в основном, о борьбе с басмачеством, но по его книгам чувствовалось, что он хорошо знает историю края, местные обычаи и традиции, особенности менталитета коренных народов.

Притом, Самарканд был для него родным городом: здесь он окончил школу, а позднее, уже после революции, снова вернулся сюда.

Если мне не изменяет память, то Шевердин, проживший долгую жизнь, был ровесником века.

Следовательно, к моменту начала раскопок Гур-Эмира ему слегка перевалило за сорок.

То есть, это был не зеленый новичок, а журналист в расцвете сил, наблюдательный, въедливый и дотошный, умевший выделять главное в потоке информации.

Я сразу поверил, что он в своих репортажах не упустил ничего существенного, детально отразил общую атмосферу экспедиции. Фактически его репортажи являлись в моих гла-

зах оперативным историческим документом.

Потому-то я и сделал, не задумываясь, ксерокопии, посчитав полезным для себя держать эти тексты под рукой.

Что ж, сейчас они могли снова сослужить мне определенную службу.

Я разложил ксерокопии на столе перед собой, заглядывая то в одну, то в другую.

Вот репортаж о вскрытии гробницы Улугбека:

“Скелет покрыт шелковой тканью савана, настолько хорошо сохранившегося, что видны до мельчайших подробностей все складки и следы не то рисунка, не то строения ткани. Кроме того, бросаются в глаза остатки темно-синего покрывала или, быть может, плаща... Это – шелковая ткань исключительно высокого качества, великолепно выделанная... Выясняется, что Улугбек был одет в рубаху и шаровары, примерно такого же покроя, как и у современного узбекского населения. Сохранилась даже поясная перевязь – “иштонбог”.

Так-так-так...

А вот еще один весьма любопытный аспект.

18 июня, когда вскрывали могилу Улугбека, в подземелье было особенно многолюдно. Одновременно работали в трех местах. Одна группа продолжала расчистку погребения Мираншаха, вскрытого ранее; оказалось, что внутренняя камера завалена землей. Вторая группа, как уже отмечалось, сдвигала массивную плиту с саркофага Улугбека. Наконец,

третья группа вела подготовку к вскрытию гробницы Тимура.

Именно с ней, с тимуровой могилой, были связаны будоражащие, нервные ожидания, навеянные легендами и слухами. А вдруг там, внутри, действительно есть что-то необычное, разгадка какой-то тайны?

Я почти уверен, что мысли об этом одолевали всех без исключения: и простых рабочих, и академиков.

Иными словами, внимание каждого из участников экспедиции уже было невольно сконцентрировано на саркофаге Тимура, что, естественно, отвлекало от других захоронений, облегчая гипотетическому расхитителю его задачу.

Кстати говоря, в репортаже о вскрытии саркофага Тимура тоже содержится информация к размышлению:

«...Плита весом до 240 пудов... Под нее подводят деревянные катки... После перерыва экспедиция снова собирается у гробницы»...

После перерыва...

Ну, конечно, они устраивали перекуры!

А как же иначе, если приходилось с предельной аккуратностью и с полным напряжением сил вручную, буквально по сантиметрам, двигать тяжеленные мраморные плиты.

240 пудов – это почти четыре тонны...

Как же тут обойтись без перекура?

Я откинулся на спинку кресла и закурил.

Что ж, все складывалось одно к одному.

Мое воображение ожило, воссоздавая картину нижнего этажа мавзолея в тот беспокойный день.

Глухой склеп. Включены софиты, но тень от предметов кажется еще гуще.

Здесь, в подземелье, собралось много народу. Археологи, историки, антропологи, инженеры, народные мастера, врачи, коллекторы, журналисты, кинооператоры, художник Татевосян с мольбертом... Все чего-то ждут...

Рабочие жалуются на тесноту, ведь нужно поднимать, притом со всеми предосторожностями, тяжеленную плиту, а тут не повернуться.

Руководитель работ просит всех, кто не связан с конкретной операцией, ненадолго подняться наверх.

И вот в склепе остается только бригада коллекторов во главе с техником.

Наконец, после долгих усилий под слегка приподнятую плиту удастся подвести катки.

Между боковинами саркофага и крышкой образовалась щель величиной с ладонь.

Определенный этап работы завершен, да и люди устали.

– Перекур! – отдает команду техник.

Рабочие друг за другом потянулись наверх.

Но один из них наклоняется и смотрит через щель в саркофаг. Просто так, из «детского» любопытства.

А там, из-под полуистлевшей ткани выступает сквозь прореху желтый краешек какой-то бумаги, едва заметный в

бледном свете, проникающем через узкую щель.

Человек озирается по сторонам. В склепе он один.

Ему невольно припоминаются слухи о кладе, ради которого будто бы и затеяна эта экспедиция.

Его взгляд падает на кусок проволоки в такелажном ящике...

Бумагу в саркофаге никто еще не заметил, а достать ее так просто...

Картинка словно ожила в моем воображении, и я понял, что никаких противоречивых деталей в ней нет.

Тем более что независимые эксперты признали документ подлинным.

Да, тонкий кожаный футляр был изначально пришит к халату (или плащу) изнутри, под подкладку!

За пять с половиной веков эти нитки истлели, и футляр сам собой отделился от ткани...

В вышине словно бы зазвучала таинственная музыка невидимых сфер.

Нет, слава Шлимана меня лично не манила, я видел здесь некий литературный сюжет, и он меня увлекал.

Именно в этот момент я тоже поверил окончательно в подлинность древнего самаркандского документа.

Но можно ли верить обещаниям самого Надыбина?

Что он за тип?

Богач, который не заработал собственным трудом ни копейки. Увлекается археологией, но почему-то в него стреля-

ли. Изображает из себя простака, рубаху-парня, но сумел собрать обо мне и моих привычках весьма подробные и точные справки.

Почему бы не ответить ему тем же?

Благо, у меня есть свои информаторы, о которых господин Надыбин вряд ли догадывается.

Я подумал о Жанне и Юле.

Было времечко, лет этак пять, нет, семь назад, когда я крутил одновременно два романа, которые не должны были пересечься в одной плоскости. Одна дама была классической блондинкой, вторая – яркой брюнеткой-вамп. Обе столь различались и по внешности, и по темпераменту, что мне в большей степени было любопытно само течение этой истории, как некоего познавательного литературного процесса. Так уж сложилось.

Год или около того я умело лавировал, так что мои дамы, бывая у меня в гостях, даже не подозревали о существовании друг друга. Но однажды я допустил роковую ошибку, и две параллельные прямые пересеклись, согласно закону космического коварства, в моей бедной холостяцкой квартире.

Я и сам не устаю удивляться, как тихо всё обошлось. Быть может, потому, что оба моих романа уже исчерпали себя. Но последняя точка получилась эффектной.

В результате обе дамы сдружились между собой, да еще так крепко, что повсюду их видели только вдвоем.

Наши былые интимные отношения плавно перетекли в

чистосердечную, ненавязчивую дружбу.

Время от времени мы встречаемся в каком-нибудь кафе, делаем подходящий заказ и треплемся обо всем на свете.

У обеих дам злые язычки и скептический взгляд на многие вещи. Обе – мастерицы по части перебивания чужих косточек.

Их информированность поразительна. Думаю, нет в нашей славной Северной Венеции такого человечка, о чьих недостатках и слабостях они не могли бы сказать хоть что-нибудь едкое. Но если и найдется такой смертный, то, полагаю, моим дамам потребуется не более суток, чтобы при необходимости вызнать всю его подноготную. Правда, чтобы получить от них информацию, нужно иметь к этой парочке особые подходы. Мне это иногда удается.

Блондинку зовут Юлией, брюнетку Жанной. Я так и не решил для себя, какая из них была мне дороже в свое время. Пожалуй, я ценил, да и сейчас ценю, обеих в равной степени.

Я достал сотовый и включил номер Жанны – просто потому, что он стоял первым в списке.

Занято. Любит девушка поговорить.

Я переключился на Юлю, которая откликнулась сразу.

– Привет, старушка! Давно не виделись, не находишь?

– Еще раз назовешь старушкой, пусть даже в шутку, убью! – пригрозила она в своей милой манере. – А еще друг!

Нет, Юля не убьет. Она слишком ленива для этого. А вот прозвучи такая угроза в устах Жанны, к ней следовало бы

отнестись серьезно. Жанна – человек эмоций. Сначала делает что-нибудь и только потом может задуматься о последствиях.

– Ладно, больше не буду, – покаялся я. – Так что там насчет дружеской встречи? Хотелось бы полюбоваться вашими славными мордашками. Заодно я бы внимательно послушал, чем знаменит в подлунном мире некий субъект по имени Надыбин Михаил Викторович.

– Ах, вот зачем мы тебе нужны! – хмыкнула она.

Я переждал небольшую паузу.

– Ладно, – послышался вздох. – Сейчас попробую разыскать Жанну, а после перезвоню тебе. А ты тем временем поработай над своей лексикой.

– Работа над лексикой – мой крест и мой хлеб, – признался я. – Но если честно, то эта работа кормит меня не слишком сытно, особенно в последнее время.

– Бедненький! – пожалела она.

Так или иначе, удочка была заброшена.

Я принялся ворошить содержимое раскрытой папки, надеясь разыскать в ней еще что-нибудь полезное.

Вот и пригодились мои старые бумаги. Кто бы мог подумать!

Глава 8. ДВЕ ПИФИИ

Встреча была назначена на нашей «конспиративной явке» – в чебуречной на Воскресенском.

Когда-то, еще в лучшие наши дни, мы случайно завернули сюда «на огонек», нам понравилось, и с той поры мы начали назначать свидания друг другу в этом чудном заведении, где было достаточно уютно и недорого.

Когда я вошел в зал, обе красавицы уже бражничали за своим любимым столиком. Судя по сервировке, они сделали заказ на всю компанию, включая мою безденежную персону.

После приветствий и дружеских поцелуев я занял свое место и минутой-другую осыпал их комплиментами, что не требовало от меня особых усилий, ибо запас приличествующих эпитетов я всегда держал наготове, да и обе дамы выглядели прекрасно.

На стройной брюнетке Жанне по случаю безоблачной летней погоды было черно-красное платье (ее любимые цвета) с дерзким декольте, подчеркивавшим то обстоятельство, что дама любит загорать без купальника.

Пышная блондинка Юлия придерживалась своего стиля – всё светлое и облегающее. Что ж, при ее-то формах странно было бы носить просторные балахоны.

Тем временем принесли бутылку коньяка и салаты, что

дало мне повод приступить к священнодействию.

– Ну, милые, за встречу! Знали бы, как я рад видеть вас!

Признаться откровенно, я никогда не причислял себя к мастерам витиеватых тостов, предпочитая им краткие пожелания.

Разговор, как всегда, начался с легкой пикировки.

– Расскажи нам о своих новых женщинах! – потребовала Юля. – Только без утайки!

– Увы, рассказывать нечего, – печально вздохнул я. – Женщины не любят мужчин с пустым кошельком. Вам ли этого не знать, кисоньки?

– А почему ты так легко миришься со своим пустым кошельком? – сощурилась Жанна, вертя в руках десертную ложечку. Похоже, она никогда не избавиться от своей привычки вертеть в руках во время разговора какой-нибудь предмет.

– Что делать, если редакции предпочитают экономить на авторах!

– Так не пора ли некоторым авторам взяться, наконец, за какое-нибудь серьезное дело?

– Ты как в воду глядела, лапонька! Именно это я и собираюсь сделать. При определенном раскладе обстоятельств, разумеется.

– И что же это за расклад, ну? Не темни!

– Быть может, вы начнете первыми?

Мои собеседницы переглянулись с видом заговорщиц.

– Ох, и задал ты нам задачку! – накинута на меня Жанна. – Мы чуть не полгорода обзвонили за полдня! Как думаешь, что можно узнать о человеке, который нигде не бывает?!

– Нигде не бывает – это тоже информация, и весьма красноречивая, – подметил я.

– Ладно, не умничай! Мы всё же постарались и кое-что нашли. Цени наше хорошее к тебе отношение!

– Да я на вас молиться готов день и ночь! Ну, что вы там раскопали? Выкладывайте.

Они снова переглянулись, затем Юля вкрадчиво проворковала:

– Мы думаем, что сначала ты все-таки должен сказать нам, своим добрым приятельницам, зачем тебе понадобился этот отшельник?

Что ж, я заранее знал, что подвергнусь массажированной атаке, и потому подготовился к обороне.

– Видите ли, девчонки... Этот господин Надыбин, о котором я не знаю ровным счетом ничего, загорелся странной мечтой издавать журнал для любителей старины и антиквариата. Понятия не имею, кто навел его на меня, но он предлагает мне сотрудничество и, между прочим, достойную зарплату. Но можно ли ему доверять? – тут я изобразил обеспокоенность: – Девчонки, это пока страшная тайна! Строго между нами! Иначе я вылечу в трубу, так и не приступив к исполнению своих обязанностей.

– Врешь, наверное. А может, и нет... Ну, ладно! Куда ты денешься. Мы всё равно узнаем.

– Кто бы сомневался!

Возникла непродолжительная пауза, которую я поспешил использовать для поддержания должного уровня напитка в бокалах.

Кажется, моя легенда имела успех.

– Так вот: если у тебя намечаются какие-то дела с этим типом, то нужно быть очень осторожным, – сообщила Жанна, наклонившись ко мне через стол.

– А что такое?

– Говорят, что он оборотень!

– Эй, давайте без мистики.

– Это не мистика, а образное выражение. Пока ты его устраиваешь, он будет с тобой милым и добрым парнем, но стоит тебе сделать что-то не так, как он тебя сожрет вместе с потрохами и даже косточки не выплюнет!

– Да такими «оборотнями» у нас весь город набит, – рассмеялся я. – Не повернешься.

– Ты не понял, – повела свою партию Жанна. – Ты, может, сам ничего плохого и не сделаешь, но если ему померещится, что ты на него косо посмотрел, то в одну минуту станешь для него смертельным врагом. Он скрытый псих, понимаешь? Скрытый, а потому вдвойне опасный! Нам это говорили верные люди.

– Если я ничего не путаю, то это человеческое качество

называется мнительностью, верно? – предположил я.

– Самодурством оно называется, – уточнила Юля. – Если он что-то задумал, то сделает по-своему, хоть тресни! И никто ему не указ.

– Погоди, подружка, – снова вмешалась Жанна. – Давай по порядку. Так вот, у этого Надыбина куча денег. Но к житейским радостям он совершенно равнодушен. Мы, женщины, для него не существуем.

– Быть может, он поклонник нетрадиционной ориентации? – предположил я.

– В том-то и дело, что нет, – она в гневе стукнула кулачком по столу. – Просто этот мужик не от мира сего.

– Псих! – убежденно констатировала Юля.

– Каким же образом человек не от мира сего смог заработать кучу бабла?

– Он сам и копейки не заработал, – сообщила Жанна. – Это всё его папаша. Когда начался весь этот дележ, папаша, занимавший важный пост, очень быстро сориентировался и принялся грести под себя не лопатой даже, а экскаватором. Прибрал к рукам крупную строительную фирму. Было несколько историй с убийствами. Его и самого, то есть, папашу, пытались убить, но он отделался, что называется, легким испугом. Выплыл из кучи, не буду уточнять чего, на чистую воду. Вот он-то, папаша, любил женщин. До самой старости!

– Наш персонаж его единственный сын?

– Да. Но у папаши был еще младший брат, из органов.

Этот братец организовал для старшего службу безопасности, которая, собственно, и уберегла старика от многих неприятностей. А вот младшему брату не так повезло. Получил пулю в голову при какой-то разборке. После него остался сын Юрий. Надыбин-старший поначалу помогал племяннику во всем, но затем по какой-то причине с треском выгнал его из своего окружения. Это случилось уже после гибели младшего брата – отца Юрия.

– Так-так, – я снова наполнил тару. – Продолжайте, девочки. Подробности, которые вы приводите, весьма любопытны.

– Однажды к Надыбину-старшему пришла молодая журналисточка, чтобы взять интервью для деловой газеты, – подхватила эстафету Юлия. – Тот уже несколько лет, как овдовел, хотя и продолжал пользоваться услугами «девушек по вызову». Вообще-то, наша журналисточка по своим повадкам мало отличалась от этих особ. Но, похоже, старикан что-то увидел в ней особенное. Ужин с деликатесами, ночь любви, и уже наутро он предложил ей руку и сердце. Так она стала «мамой» для Миши Надыбина, этого оборотня, который старше ее лет на 12-15. Точнее сказать не могу, ибо ее истинный возраст – это тайна за семью печатями для всех смертных.

– Догадываюсь, что «мамочка» и «сыночек» не очень ладили...

– Я почти уверена, что в какой-то момент «мамочка» захотела заполучить в свою постель и «сыночка», но, похоже,

не учла особенностей его менталитета, после чего они стали непримиримыми врагами. К слову сказать, у журналистки, несмотря на ее молодость, к моменту брака со стариканом уже имелся свой сыночек от другого папика. Но она допустила ошибку, пытаясь скрыть это обстоятельство от Надыбина-старшего. Тот, конечно, узнал по своим каналам, и ему это жутко не понравилось. То есть, не понравилось, что она хотела скрыть сам факт. Ей он, в конце концов, простил, но пасынка так и не признавал, хотя и отправил его за свой счет на учебу в Англию. Наша дама, войдя хозяйкой в богатый дом, ушла, конечно, из редакции, но и поныне продолжает считать себя «журналисткой по призванию», бывает на фуршетах, банкетах, приемах, новогодних праздниках прессы и всё такое прочее.

– Если так, то вы должны ее знать, – заметил я.

– О, мы ее знаем! – хором воскликнули обе. – Очень хорошо знаем! Именно ее персона помогла нам определиться с поисками плодотворных источников информации.

– А я? Я ее знаю?

– Ты ведь не бываешь на фуршетах, – с осуждением заметили мои ангелы-хранительницы.

– Ладно, как ее хоть зовут?

Задавая свои вопросы, я, конечно, немного лукавил, ведь кое-что мне было известно от Надыбина. Однако же метод получения перекрестной информации еще никому не вредил.

– Лариса. Лариса Леонардовна Крутикова. Надыбин-старший при оформлении брачного контракта рекомендовал ей оставить свою фамилию.

– Крутикова? Что-то не встречался мне такой автор в наших питерских газетах.

– Раньше она публиковала свои довольно вымученные интервью под псевдонимом «Жемчужная». Но это было давно. Сейчас она не пишет. Сейчас она просто присутствует.

– Жемчужная, говорите? Нет, такой тоже не припомню. Может, потому что не читаю деловой прессы. А какая она из себя?

Мои подружки понимающе переглянулись и рассмеялись в унисон.

– Как раз в твоём вкусе! Уж тебя она соблазнила бы в первый же вечер, если бы только сама захотела этого. Но нам кажется, что у тебя получилось бы заинтересовать дамочку.

– Спасибо за комплимент, милые, я его оценил.

– Учти только: о её сексуальной требовательности ходят легенды, – и обе плутовки развеселились от души.

– Легенды тоже сходятся, – кивнул я. – Но, полагаю, у дамы, которую вы столь выпукло описали, имеется вполне реальный бой-френд? Вам что-нибудь известно о наличии такого?

Мои дамы переглянулись, и Жанна ответила с видимым сожалением:

– Это ещё одна её нераскрытая маленькая тайна.

– Что ж, женщины-загадки всегда вызывали мое уважение...

– Ладно, слушай дальше. «Счастливая» семейная жизнь продолжалась несколько лет. Говорят, Ларисочка здорово украсила своего старика рогами всех мастей. Но вот Надыбин-старший скончался, оставив завещание, по которому основной капитал переходил сыну, то есть, Михаилу. Наша Лариса вроде бы намеревалась затеять судебную тяжбу, но Михаил, вопреки всем ожиданиям, по собственной воле выделил ей некоторую долю. Возможно, она нашла, чем его шантажировать, но это есть очередная тайна, покрытая мраком. Словом, всё обошлось без публичного скандала. Затем наследник поступил еще более странно, пригласив своего племянника Юрия, пребывавшего в опале, на должность генерального директора корпорации с запредельным окладом плюс какими-то феерическими процентами. Этот крутой тип, о котором говорят, что он классический жлоб, я имею в виду Юрия, и поныне рулит фирмой фактически самостоятельно. Михаил в дела почти не вмешивается. Его хобби – музеи, антиквариат, археология, всякие диковинные коллекции. Много путешествует. Ездит по миру. Но не на курорты, как все нормальные люди с его средствами, а в самые что ни на есть дикие места. Словом, дурью мается. Где-то в Южной Африке искал трон Великого Монгола...

– Великого Могола, – поправила подругу более начитанная Юля.

– Ой, да какая разница! Всё равно ничего не нашел. Как говорится, комментарии излишни.

– Вообще-то, нежная забота о близких родственниках характеризует его не с худшей стороны, – осторожно вставил я.

– Забота о близких! – презрительно фыркнула Жанна. – Не удивлюсь, если тут элементарный шантаж со стороны Ларисы и Юрия, которые, возможно, действуют заодно. Знающие люди говорят, что вся эта семейка – сплошной клубок змей.

От этого сравнения, брошенного вскользь, у меня по коже пробежал озноб. Что делать, если я не выношу даже самого этого слова – «змеи», и никогда не вставляю его в свои тексты.

– А вот еще одна интересная легенда, – с таинственным видом сообщила мне Юлия. – Это к вопросу о его взаимоотношениях с женщинами. По некоторым слухам, Надыбин в студенческие годы крутил роман со своей однокурсницей. Та забеременела, и вот он пришел с этой новостью за советом к отцу. Старикан, узнав, что девушка происходит из самых низов, затопал ногами и разразился криками. И наш Мишенька стушевался, отступил. Девушка якобы уехала в свой маленький городок где-то в Сибири и там родила дочь, о чем Михаил не знал долгие годы. А может, и знал. Но делал вид, что не знает. Темная история! Говорят, мама умерла молодой, а девочка воспитывалась в интернате. Но она уже знала, кто ее отец, и будто бы поклялась отомстить ему в будущем

за раннюю смерть матери. И вот эта золушка выросла, приехала в Питер и сумела обосноваться здесь, а затем встретила сказочного принца, который взял ее в жены и осыпал бриллиантами.

– Сказочного принца, говорите?

– Даже не принца, а настоящего падишаха! – поправила Жанна. – Очень богатый тип из какой-то среднеазиатской республики. Кажется, узбек.

– Узбек? Уж не из Самарканда ли?

– Этого мы точно не знаем. Знаем только, что семья живет на два дома – в Москве и в Питере. Впрочем, у них есть недвижимость и за границей, может, в Самарканде тоже. А почему тебя заинтересовал именно этот город?

– Просто к слову пришлось. Как фамилия падишаха?

– Шарифджанов. В ближнем кругу его называют «Шериф». Говорят, он в списке первых богачей.

– Шериф? Серьезное прозвище... А как зовут золушку?

– Арина.

– Надеюсь, Арина Михайловна, а не Родионовна?

– Ой, этого мы не знаем.

– Ладно, продолжайте.

– И последнее, что нам удалось выяснить, – Жанна блеснула своими цыганскими очами, продолжая играть десертной ложечкой. – Года три, а может, и четыре назад, вскоре после смерти отца, в Мишу Надыбина стреляли. В этот момент, как нам рассказали, он находился в своем кабинете,

рассматривая высоченную вазу, которую лишь накануне купил за сумасшедшие деньги. Окно в сад было открыто. И вдруг – бац! – мимо виска пролетела пуля, расколошматив вдребезги дорогую вазу! Говорят, что его спасло то, что в момент выстрела он случайно откинул голову назад, любуясь игрой света на орнаменте вазы.

– Да нет же, – вдруг заспорила Юля. – Выстрел специально был сделан мимо. Это было не покушение, а предупреждение.

– Ну и кто же его, по-твоему, предупреждал? – сощурилась Жанна.

– А кто обещал отомстить за свою мать!

– Ну, милая! Имея мужа-олигарха, да еще с Востока, можно было бы отомстить покруче, причем давно!

Возможно, Жанна знала, что говорила, она ведь немножко ведьма.

Юля однажды шепнула мне, что Жанна умеет отваживать несчастья, втыкая заговоренные булавки в тряпичную куклу.

Не знаю точно, как там насчет отваживания несчастий, но способность Жанны неведомым образом создавать проблемы для кого угодно, в том числе, для своих друзей, у меня лично сомнений не вызывала.

Мои дамы пустились в спор, без коего никогда не могли обойтись, а я погрузился в хаос собственных мыслей.

Что ж, информацию к размышлению я получил густую. Теперь следовало ее проанализировать. А также отфильтро-

вать. Ибо мои дамы – натуры весьма субъективные и эмоциональные, как, впрочем, и все женщины. Причем, у Жанны эти качества выражены в гипертрофированном виде. Если ей по какой-то причине не понравится тот или иной представитель сильного пола, она может с чистой совестью навешать на него всех собак. С ее точки зрения, всякий мужчина, равнодушный к женщинам и осуждающий их слабости, – нехороший человек. По этой логике, у Надыбина не было ни малейших шансов на положительную характеристику, по крайней мере, в устах Жанны.

И всё же, даже учитывая все перехлесты, вроде принадлежности Надыбина к оборотням, девчонки рассказали мне много любопытного.

Меньше всего я ожидал, что сегодня за столом прозвучит самаркандский мотив.

Но он прозвучал, и весьма внятно.

Женская месть?

Шериф?

Что-то здесь было не так...

Ясности, на которую я рассчитывал по итогам этой встречи, не прибавилось, скорее, наоборот.

У меня появилось предчувствие, что я стою перед дверью, ведущей в неведомое.

И мне придется открыть эту дверь и шагнуть в пустоту.

ГЛАВА 9. ЗАВЕЩАНИЕ ТИМУРА

В отличие от Искандера Двурогого, который собственной рукой убил на пиру своего лучшего друга, и от Темучина, который, как ни крути, приказал убить старшего сына Джучи, Тимур объявил жизнь своих потомков и ближайших родственников священной и всегда строго придерживался этой установки сам.

Его внук Искандер, сын Омар-шейха, трижды поднимал вооруженный мятеж против деда, и что же?

Всякий раз, усмирив бунт, Тимур прощал внука и лишь переводил того править все менее престижными уделами.

Точно так же неприкосновенной Тимур объявил жизнь сейидов – потомков пророка и ученых – теологов и богословов, пускай бы даже те во всеуслышание называли его исчадием ада на земле.

Самой суровой карой для этой категории лиц было изгнание.

Свою державу Тимур разделил на уделы между детьми и внуками. Пусть каждый из них с молодых лет правит на своих землях и набирается государственной мудрости!

Но чтобы в будущем они не перессорились между собой, как некогда полководцы Искандера или дети Чингисхана, над всеми должен был стоять старший тимурид, признанный

глава Семьи и Дома, обладавший непререкаемым авторитетом и стальной волей.

Тимур нередко повторял двустипшие:

«Как существует один бог на небе, так должен быть один царь на земле.

Весь мир не заслуживает того, чтобы иметь больше одного правителя».

Но кого же поставить во главе Семьи, а значит, страны, а затем и мира?

Об этом Тимур не переставал напряженно размышлять на протяжении уже многих лет.

Судьба подарила ему четырех сыновей.

(Фактически-то их было гораздо, гораздо больше, но царевичами могли считаться лишь те, кто родился от законных, знатных жен Тимура.)

Любимым сыном Железного Хромца был первенец Джахангир, подававший, по единодушному утверждению хроникеров, немалые надежды.

Но Джахангир погиб в молодости, успев, правда, оставить после себя двух сыновей.

Молодым погиб и второй сын Тимура – Омар-шейх.

Третий сын – Мираншах – доставлял отцу лишь огорчения.

Достигнув зрелого возраста, царевич так и не взялся за ум, хотя Тимур дал ему в управление один из богатейших уделов – Хорасан со столицей в Герате.

Однажды на пиру в своем дворце Мираншах со смехом отрубил голову представителю знатного персидского рода, а после издевательски оправдывался тем, что был, дескать, пьян и ничего не помнит.

Несколько позднее, в результате падения во время охоты с лошади, Мираншах и вовсе обезумел, вытворяя различные непотребства: безудержно пьянствовал, предавался игре и похоти, совершал дикие, нелепые поступки.

В конце концов, Тимур был вынужден лично возглавить карательную экспедицию в свои персидские владения.

Суд был скорым, но справедливым.

Почти всех приближенных Мираншаха, которые, пользуясь безумием правителя, безбожно воровали, Тимур отправил на плаху, предварительно заставив их вернуть в казну всё до последней монетки.

Верный своим принципам, он наказал собственного сына тем, что отправил его княжить в менее значимый и более отдаленный удел, где своенравный царевич находился под пристальным взглядом верных людей.

Само собой, что при этом Мираншах навсегда был вычеркнут из списка претендентов на высшую власть.

Герат же и еще ряд богатых смежных областей Тимур передал на кормление четвертому, младшему и нелюбимому, сыну Шахруху.

Однако и его великий эмир никогда не рассматривал в качестве своего главного наследника.

Шахрух, как государь, был, по мнению Тимура, слаб и нерешителен, он слишком много времени проводил с богословами и дервишами и, что совсем уж недопустимо для восточного правителя, находился под влиянием своей бойкой красавицы-жены Гаухар-Шад, которая вертела им, как заблагорассудится, но при этом действовала тонко, не ущемляя самолюбия супруга.

Нет, не выйдет из подкаблучника грозного повелителя могучей державы!

Итак, с сыновьями «сотрясателю вселенной» не слишком-то повезло.

С горечью осознав эту непреложную истину, Тимур направил все свое внимание на внуков, коих у него насчитывалось более трех десятков.

(Опять же, речь идет только о «законных» внуках.)

В своей неустанной заботе о Семье, великий эмир установил правило, по которому перед рождением очередного царевича его будущую родительницу вызывали ко двору и опекали со всем усердием. Но едва роженица разрешалась от бремени, как ребенка (если это был мальчик) у нее забирали и поручали его воспитание назначенным для этого лицам, следившим от колыбели за его питанием, одеждой и прочим. Когда же мальчик подрастал, то его обучали всему, что нужно было знать будущему государю.

Тимур и сам подолгу беседовал с внуками, стараясь предугадать, какими талантами Всевышний наделил каждо-

го из них.

Эта система довольно быстро принесла свои плоды.

Без малейших колебаний Тимур остановил свой выбор на Мухаммеде-Султане, старшем сыне своего первенца Джанхангира. В глазах этого юноши горел тот огонь, который Тимур умел замечать и ценить в других. Всю свою любовь, все свои надежды и чаяния он перенес на этого избранника, который, казалось, во всем оправдывал его ожидания.

Все складывалось просто великолепно.

После победы над турецким султаном Баязидом Молниеносным Тимур достиг вершины могущества.

Европейские монархи наперебой спешили поздравить его с очередным громким успехом и слали к нему послов-разведчиков, имевших задание выведать, не повернет ли Тимур своих удальцов на Запад, «к последнему морю», следуя заветам своего кумира Чингисхана?

Но нет, Тимур давно уже размышлял о походе не на Запад, а на Восток, точнее, в Китай, правителя которого он называл не иначе, как «царь-свинья».

Однако после разгрома Баязида великий эмир позволил себе немного расслабиться.

Почему бы и нет, разве он не заслужил легкой передышки? Разве он не обеспечил будущее для своей державы, не воспитал достойного преемника?

И тут судьба, которая так долго была к нему благоклонной, нанесла страшный, беспощадный, всесокрушаю-

щий удар!

13 марта 1403 года тот, кого он уже видел своим наследником, сгорел от неведомой болезни в считанные часы в 19-летнем возрасте.

Тимур рвал на себе одежды, катался по земле, стонал и кричал от душевной боли. Несколько дней он пребывал в глубоком отчаянии. Кризис всё же миновал, но приближенные отмечали, что после смерти Мухаммеда-Султана Тимур уже никогда не был таким, каким его знали прежде.

Для упокоения царевича Тимур приказал построить в своей столице величественный мавзолей Гур-Эмир, и его возвели в небывало короткие сроки – в течение года.

Но на кого же теперь оставить огромную державу, кого объявить наследником престола?

Он не находил однозначного решения.

Всем хорош был принц Халиль, сын Мираншаха и «ханской дочери», красавицы Хан-заде, которая сначала была женой Джохангира, первенца Тимура, а затем, после гибели царевича, перешла, согласно бытовавшей еще монгольской традиции, в дом брата усопшего.

В 15-летнем возрасте Халиль участвовал в знаменитой битве под Дели.

Вооруженный одной лишь саблей, он захватил боевого слона с его вожаком-индусом и привел своих пленников к палатке деда, за что удостоился от того скупой похвалы.

Благодаря своей храбрости, щедрости, любезности и сво-

ему великодушию, Халиль со временем приобрел огромную популярность в армии, готовой идти за ним в огонь и в воду.

Правда, отличался принц и своими сумасбродствами (не иначе, сказалась отцовская наследственность).

Влюбившись в собственную наложницу Шади-Мульк, он женился на ней, словно та была ханской дочерью, и даже не спросил разрешения у деда.

Узнав об этой свадьбе, Тимур пришел в негодование, но Халиль бежал от его гнева вместе с молодой женой в дальний удел и скрывался там какое-то время.

Тимур, чья терпимость по отношению к проступкам членов Семьи поистине не знала пределов, гневался недолго.

Он не только простил внуку его выходку, но и назначил молодого царевича на высокий военный пост.

Однако из претендентов на верховную власть всё же его исключил. Ибо человек, не умевший обуздывать свои чувства, не мог быть повелителем миллионов подданных.

Тем более что оставалось еще немало других кандидатов.

Мирза Улугбек, сын Шахруха и «жемчужины двора» Гаухар-Шад, отличался умом, рассудительностью и любознательностью, но ведь ему только-только исполнилось десять!

Не мог Тимур делать судьбоносную ставку на мальчика, чьи жизненные интересы еще не вполне определились.

Кроме внуков от сыновей, у Тимура были внуки и от дочерей.

Эти внуки тоже считались полноценными царевичами.

Самой яркой личностью из них был, пожалуй, Султан-Хусейн.

Тимур долго присматривался к юноше, находя в нем все новые достоинства.

Как вдруг Хусейн отчебучил такое, что Тимур даже не поверил, когда ему доложили о случившемся.

Во время осады Дамаска Хусейн ни с того, ни с сего перебежал на сторону осажденных и, участвуя в их вылазках, храбро сражался против своих.

Ошеломленный этим известием Тимур приказал лучшим своим гвардейцам доставить к нему перебежчика, и непременно живым.

В ходе следующей вылазки Хусейн был пленен.

Его привели в походную палатку великого эмира.

Ничем другим, кроме легкомысленной жажды приключений, объяснить свой проступок, заслуживавший в условиях военной кампании немедленной казни, Хусейн не мог.

Тимур велел побить дезертира перед строем палками, отрезать ему косу, что считалось позором, а затем переодеть в женскую одежду (еще больший позор!).

Но уже скоро Тимур не только полностью простил молодца, но и назначил его на высокую военную должность, равноценную той, что занимал Халиль.

Естественно, при этом Хусейн тоже был вычеркнут из высочайшего списка.

В конце концов, после долгих колебаний Тимур остановил свой выбор на Пир-Мухаммеде, втором сыне Джахангира.

Этот царевич не имел ярко выраженных талантов. В его глазах не было того неукротимого огня, что горел во взоре его старшего брата Мухаммеда-Султана.

Не блистал Пир-Мухаммед и на поле брани.

Двинувшись в Индию, он дошел до Мультана, осадил его и надолго застрял под этим городом.

Пришлось Тимуру идти на вырубку, организовав свой, так называемый, индийский поход.

Взяв и разгромив не только Мультан, но и Дели, Тимур вывез оттуда несметные сокровища.

Пир-Мухаммед с этой задачей, конечно, не справился бы.

Но все же в нем текла кровь Джахангира, и Тимур, похоже, рассчитывал, что рано или поздно в царевиче проявятся черты его отца и его старшего брата.

Кроме того, Пир-Мухаммед, родившийся на сороковой день после гибели отца, теперь был старшим по возрасту из потомков Тимура.

Шахрух, доводившийся ему дядей, родился годом позже племянника.

(Безумный Мираншах в расчет уже не принимался.)

Итак, выбор был сделан!

Избранником стал несколько тускловатый Пир-Мухаммед.

Чтобы привить царевичу вкус к государственным делам, а

также проверить его в серьезном деле, Тимур направил Пира правителем в Кандагар, на индийскую границу, где было неспокойно.

Пусть парень научится принимать самостоятельные решения, рассуждал Тимур, надеявшийся, что еще успеет передать наследнику секретный опыт управления огромной державой.

Уладив этот вопрос, государь приступил к последнему делу своей жизни.

Он задумал большой поход в Китай, рассчитывая завершить после этого свой земной путь.

Был декабрь 1404 года, когда тремя колоннами огромное войско выступило в путь.

Вопреки всем стратегическим канонам, великий эмир намеревался пройти Центральную Азию за три зимних месяца, чтобы внезапно явиться перед «царем-свиньей» и нанести тому сокрушительный удар.

Но когда штаб Тимура достиг Отрара, города, находившегося у восточных рубежей его державы, разведчики доложили о необычайно обильных снегопадах, закупоривших все горные перевалы, где снег лежал высотой в два копья.

Войску поневоле пришлось становиться на зимние квартиры.

Правое крыло, которым командовал Халиль, расположилось в Ташкенте, левое во главе с Султаном-Хусейном – в Ясе (Туркестан).

При этом Центр, где находился сам Тимур, разместился в Отраре, городе мистической судьбы, с инцидента в котором начался когда-то великий поход Чингисхана «к последнему морю».

И вот теперь последователь Чингисхана Тимур двигался через тот же Отрар уже в свой великий поход, но только в обратном направлении.

Вернее, он хотел двигаться, но волей небес был лишен такой возможности, и эта незапланированная остановка сильно его раздражала. Чтобы легче перетерпеть период вынужденного бездействия, он много пил, а ведь ему уже шел 69-й год.

Однажды, после особенно обильного пира, он почувствовал лихорадку.

Тело его горело, а с вышины слышались голоса гурий.

Наступил упадок сил, и Тимур вдруг ясно понял, что город, где ему суждено навеки закрыть глаза, называется Отраром.

Что ж, вот и пришла пора приступить к выполнению второй части его главной задачи.

Несмотря на сильные боли, Тимур оставался в ясном уме и здоровой памяти.

Как следует из «Книги побед» («Зафар-намэ»), государь призвал к своему одру всех находившихся в ставке эмиров и вельмож и, покаявшись в своих грехах, заявил им следующее:

«Теперь я требую, чтобы мой внук Пир-Мухаммед Джахангир был моим наследником и преемником. Он должен удерживать трон Самарканда под своей суверенной и независимой властью, должен заботиться о гражданских и военных делах, а вы должны повиноваться ему и служить, жертвовать вашими жизнями для поддержания его власти, чтобы мир не пришел в беспорядок, и чтобы мои труды стольких лет не пропали даром. Если вы будете делать это единодушно, то никто не посмеет воспрепятствовать этому и помешать исполнению моей последней воли».

Затем Тимур повелел, чтобы каждый из присутствовавших поклялся великой клятвой, что они исполнят его волю и будут верой и правдой служить наследнику Пир-Мухаммеду.

Но и этого Тимур показалось мало, он взял с них еще одну клятву, суть которой заключалась в том, что они приведут к присяге всех отсутствующих здесь эмиров и вельмож и не допустят, чтобы последней воле государя было оказано какое-либо сопротивление.

Они клялись: горячо, истово и искренне, со слезами на глазах.

Но Тимур почуял своим проницательным умом: эти пламенные клятвы скоро забудутся, возобладают корысть и расчеты, все пойдет так, как шло когда-то при дворах Искандера Двурогого и Чингисхана после их смерти!

Всё повторяется в этом мире, и он, Тимур, тоже ничего не сумел изменить, несмотря на свои оглушительные победы.

Выстроенная им система власти, которая казалась тверже булата, в действительности уподобится скоро горному льду, попавшему на жаркое солнце.

Всё было напрасно...

Он закрыл глаза и отошел во владения Творца.

Глава 10. ЭКСТРЕННЫЙ ВЫЗОВ.

После чебуречной, на обратном пути, мы завернули в кофейню, где угостились десертом с коньяком. Словом, общение затянулось.

Оказавшись дома лишь после полуночи, я включил компьютер, в бессмысленной уверенности, что найду в электронной почте какое-нибудь приятное известие, вроде напоминания зайти завтра в редакцию за гонораром.

Увы...

Мысль, однако, уплывала, брeнная плоть чувствовала потребность в глубоком и продолжительном сне.

Ладно, утро вечера мудренее.

Впрочем, позднее утро, на исходе которого я открыл глаза, вроде бы тоже не обещало благостных перемен.

Что ж, займемся чем-нибудь полезным...

На стене, чуть сбоку от монитора, у меня подвешен специальный щит – доска обзора. Это прямоугольник толстой фанеры размером семьдесят сантиметров на пятьдесят. Готовя какой-либо основательный исторический материал, я прикреплял к этой доске портреты героев будущего очерка, репродукции подходящих пейзажей, фотографии соответствующих теме архитектурных сооружений и всё такое прочее. Находясь постоянно перед моими глазами, этот иллюстри-

рованный фон помогал «вживаться в образ эпохи».

Берясь за новую тему, я всякий раз, естественно, обновлял экспозицию.

Вот и сейчас я вывесил на доску портреты Тимура, Шах-руха и Улугбека, изображения мавзолеев Гур-Эмир и Биби-Ханым, а также других жемчужин Самарканда.

Все эти иллюстрации имелись в моих прежних публикациях.

Вглядываясь в черты Улугбека, реконструированные антропологом Герасимовым, я вспомнил о просьбе Надыбина.

Как же могло случиться, что государя, правившего полных четыре десятилетия и пользовавшегося определенной популярностью в народе, не только свергли с престола, но и обрели на позорную казнь?

Какова в этом событии действительная роль его старшего сына? Кто еще из близких Мирзы приложил руку к этому преступлению?

Как, когда и при каких условиях у государя-астронома возникла идея заблаговременно спрятать лучшую часть своей библиотеки?

Кому конкретно он поручил непосредственное исполнение этой весьма деликатной и рискованной акции?

Нет, тут в двух словах не расскажешь. Притом, что некоторые исторические детали я уже основательно подзабыл...

Я достал с полки папку по тимуридам и принялся перебирать свои старые записи, выписки и собственные коммен-

тарии к ним.

За этим занятием меня застал телефонный звонок.

– Краснослав, вы?! – послышался напористый голос Надыбина. – Где вы пропадаете? Вчера вечером я вам звонил раз двадцать!

– У меня была важная встреча.

– А ваш сотовый?

– Кажется, я забыл его зарядить. А что случилось?

– Есть новости чрезвычайной важности. Но это не телефонный разговор. Мы должны встретиться. Немедленно! Я сейчас же высылаю за вами автомобиль. А уж вы, пожалуйста, постарайтесь ради экономии времени встретить его на улице.

– Уже лечу, – заверил его я.

– Минуточку! У вас есть иностранный паспорт?

– Валяется где-то в тумбочке...

– Отлично! – обрадовался он. – Значит, одной проблемой у нас меньше. Обязательно прихватите его с собой. Ну, всё, до скорой встречи!

– До встречи... – вставив трубку в гнездо, я отправился в душ, прикидывая, что как только он снова предложит мне подписать договор, я сделаю это незамедлительно и тут же потребую аванс.

* * *

Когда тот же водитель Анатолий, по-прежнему непроницаемый, как статуи острова Пасхи, доставил меня с ветерком

к крыльцу загородного дома Надыбина, то у меня возникло ощущение, что я очутился в давно знакомом мне месте.

Хозяина определенно переполняли радостные эмоции.

Что ж, значит, новость, которую он собирается сообщить мне, из разряда приятных сюрпризов.

Это обнадеживает.

– Вы завтракали? – задал он вполне уместный вопрос.

– Ваше экстренное приглашение лишило меня такой возможности, – дипломатично ответил я.

– Это мы сейчас организуем, – он повел меня в дом, повторяя то и дело: – Получилось! Получилось!

– Что именно? – спросил я, располагаясь в кресле.

– Ну, вы же сами предложили мне позавчера поговорить с ним откровенно. Я внял вашему совету. Мы встретились, и он согласился.

– Кто – он?

– Господи! Ну, вы же не настолько тупы! Да продавец же! Продавец документа! Аркадий!

– Ага, Аркадий. Значит, вторая страница уже у вас?

– Нет, – мотнул он головой. – Аркадий сделал другое предложение, которое мы с вами сейчас обсудим. Мы поедем все вместе в Самарканд, возьмем там машину напрокат и отправимся в горы. Втроем – он, вы и я. Аркадий на месте покажет нам пещеру, где лежат книжные сокровища Улугбека, и через считанные дни можно будет браться за дело, представляете?

– Всё так просто? – сощурился я.

– Всё совсем не просто! – воскликнул он. – Ибо пещера, где спрятаны книги, погребена под оползнем, вызванным землетрясением, которое произошло, надо полагать, еще в седую старину. Нам с вами предстоит на месте оценить масштабы необходимых работ. Аркадий уверяет, что полсотни рабочих справятся с завалом за три-четыре месяца. И, знаете, я ему верю. Но всё же очень хочется увидеть это сакральную зону своими глазами. Если вопросов не возникнет, то реально добраться до библиотеки уже этой осенью, понимаете, Краснослав, уже этой осенью! – голос его дрожал от восторга.

– Стоп, машина! – поспешил я остудить его пыл, явно пока неуместный. – Обвал – дело очень серьезное, оно сразу же порождает сомнения. Ведь под обвал можно списать любое мошенничество.

– Да перестаньте же вы изображать из себя неисправимого скептика, – воскликнул Надыбин. – Какой смысл Аркадию врать, если он сам выразил согласие претендовать на аванс лишь после расчистки завала!

– Пусть так, – кивнул я. – Однако же, вопросы всё равно возникают. Те же самые проклятые, сугубо практические вопросы, с которыми постоянно сталкивался ваш любимый Шлиман. Да-да, я имею в виду разрешение на раскопки со стороны местных властей. Вы не можете не помнить, что в ряде случаев Шлиман добивался этих разрешений годами. И

нередко ему удавалось это с немалым трудом, несмотря на то, что он щедро раздавал взятки. Однако и взятки не всегда помогали.

– Дорогой друг, не заставляйте меня думать, что вы – погрязший в быту обыватель, – не без досады крикнул Надыбин. – К цели нужно идти уверенно, решая второстепенные вопросы по ходу дела. Шлиман, как ни крути, старался всё же оставить часть находок себе, причем немалую часть. Лично у меня нет таких намерений. Всё, что будет нами найдено, вплоть до последней рукописи, я передам Самаркандскому университету, а уж там пусть решают, каким образом представить древние манускрипты мировому научному сообществу. Я же вполне удовлетворюсь ролью счастливого искателя. И вам, мой друг, придется немало поработать над тем, чтобы эта моя роль оказалась у всех на виду. Вот тут-то я вам не дам ни малейшей поправки.

– Погодите, до дележа славы еще далеко. Сначала нужно иметь решение ближнего круга проблем. Вы уверены, что местные власти поверят в чистоту ваших намерений? А вдруг они решат, что вы хитрите? Вы ведь не можете не понимать, что едва начнется разбор завала, как по всей округе разнесутся самые фантастические слухи. Со всех сторон на вас налетит армия голодных чиновников, и не факт, что вы сумеете откупиться даже ценой щедрых чаевых.

– Да не гоните вы лошадей! – поморщился мой собеседник. – Аркадий подсказал мне беспроигрышный ход. Мы

возьмем в аренду этот совершенно бесплодный участок гористого рельефа, якобы для организации летнего кемпинга для любителей горного туризма. А разборку завала организуем под видом обустройства «Пещеры путников», дескать, для привлечения любителей спелеологии. Уж на эти работы разрешение нам дадут, полагаю, без особой волюнки. А едва только откроется проход к книгам, мы поступим точно так же, как сделал Шлиман, поняв, что его рабочие вот-вот откроют клад Приама.

– Боюсь, этот эпизод не задержался в моей памяти, – признался я.

– Он попросту отослал рабочих на обед, разрешив им отдышать дольше обычного! – рассмеялся Надыбин. – После чего раскопки продолжили трое: сам Шлиман, его молодая жена София и представитель греческих властей, от которого никак нельзя было избавиться. Но я уверен, что в нашем случае нас не будут опекать так плотно. Поэтому первыми к находке выдвинемся мы с вами. Вдвоем. Всё осмотрим, перепишем, сфотографируем, снимем видеокамерой. А уж затем вернемся в город, созовем пресс-конференцию и сделаем соответствующее сообщение.

– Блестящий план! Но не пытаемся ли мы бежать впереди паровоза? Точнее, не пытаемся ли, по вашему же выражению, гнать лошадей, да еще на узкой тропе?

– Иронизируете?

– Всего лишь испытываю ваш план на прочность.

– Хм! И учтите, что в этом плане немаловажная роль принадлежит вам, – жестко напомнил Надыбин. – Переговоры с местными властями и учеными, организация пресс-конференции – тут вам и карты в руки. . . – он вздохнул. – Впрочем, вы правы, это дело будущего, хотя и не слишком отдаленного. Есть, однако, шаги, которые я, именно я, должен сделать в первую очередь.

– Что же это за шаги?

Надыбин с благоговением посмотрел на портрет Шлимана и воскликнул:

– Пора! Да, пора, наконец, решиться на мужественный шаг. И я его сделаю. Не далее, как завтра. – Он сощурился: – Вы привезли иностранный паспорт?

– По счастью, он валялся не слишком далеко. . .

– Давайте сюда! На нашу удачу, подвернулся человек, который сам оформит билеты и выполнит все необходимые формальности. Через четыре дня в Самарканд летит чартерный рейс. Вот на нем мы с вами и отправимся в путь. В местном аэропорту нас будет ждать Аркадий, который вылетает туда на пару дней раньше, чтобы подготовить нашу поездку в горы. Я также поручил ему взять напрокат два джипа.

– Зачем так много, если нас будет всего трое?

– Таков совет Аркадия. В горах тяжелые подъемы, и одна машина может где-нибудь застрять. Вторая нужна для подстраховки. Итак, мы вылетаем через четыре дня. Я настоятельно прошу вас уладить за это время все свои дела, чтобы

позднее уже не отвлекаться на пустяки. И еще: послезавтра я собираю здесь своих родственников, чтобы объявить им некое важное решение. Это событие должно стать одной из ключевых глав будущей книги об экспедиции. Я хочу, чтобы вы тоже присутствовали на этом званом ужине и зафиксировали его во всех подробностях. Я познакомлю вас со всеми своими родственниками. Они, в сущности, неплохие люди, но приземленные, бескрылые, погруженные в быт, и я могу им только сочувствовать.

– Лариса Леонардовна тоже будет? – нежданно для себя самого спросил я.

Он нахмурился:

– Как же без нее! Кстати, хорошо, что вы о ней спросили. Ибо я обязан вас предупредить о том, что до тех пор, пока экспедиция не начнет работу, ни одна живая душа не должна знать о наших планах. И даже догадываться о них никто не должен. Никакой огласки, ни малейшей утечки информации. Это единственное, чего я опасаюсь. Если сведения о наших планах, не дай бог, просочатся в печать, журналисты обязательно поднимут шум, раздуют сенсацию, и при неудачном раскладе меня попросту оттеснят в сторону от моей мечты. Как в свое время пытались оттеснить Шлимана. Особенно будьте осторожны в беседах с моими родственниками. Прежде всего, с Ларисой. Вот у кого длинный язычок. Она за полчаса разнесет весть по всему городу, украсив ее несуществующими, но весьма живописными по-

дробностями.

Он посмотрел мне в глаза и заговорил горячо, хотя и сбивчиво:

– Слушайте, мой друг! С моей стороны это не блажь и не каприз. Это стремление сделать в жизни что-то полезное, оставить добрую память о себе. Перелистайте книги Шлимана, он хорошо написал об этом. Обет молчания, вот что требуется сейчас от каждого из нас. До той поры, пока мы не раскрутимся. А уж затем я сам попрошу вас организовать широкую рекламную кампанию. Но только по моему сигналу. Сейчас об этом деле знают трое: вы, я и Аркадий. Мы с Аркадием оба заинтересованы в молчании. О том же я настоятельно прошу вас. Запомните, мой друг: я очень покладистый и отходчивый человек, чего бы там обо мне не говорили за моей спиной. Я умею прощать людям их ошибки, смотрю сквозь пальцы на их слабости. Но я никогда не прощу того, кто вольно или невольно покусится на мою мечту. Одно неосторожное слово в этом тонком деле может навсегда развести нас с вами и сделать врагами. Смертельными врагами. Извините меня за резкость, но я посчитал своим долгом сказать вам правду, – он крепко, до хруста сжал мою руку.

– Да не волнуйтесь вы так, – ответил я. – Ведь я уже дал вам слово. Не нужно тратить впустую так много времени, клятву не приносят двадцать раз подряд. Давайте будем считать, что на теме обета молчания мы поставили жирную точ-

ку.

– Вот и славно! Я так же прошу никому не говорить, особенно моей родне, что мы едем именно в Самарканд. Конечно, сам по себе отъезд, как таковой, не скроешь. Но мы им скажем, что едем, например, в Стокгольм для осмотра музея «Ваза». Пусть думают, что я собираюсь поднимать затонувший галеон. И вы тоже придерживайтесь пока этой версии. Ну, о чем задумались?

– О змеях...

– О змеях?! – удивился он. – А змеи тут при чем?

– Я ведь вам уже говорил, что эти ползающие существа наводят на меня священный ужас. А в горах под Самаркандом этих тварей, полагаю, пруд пруди? У меня фобия, понимаете?

– Не выдувайте мыльных пузырей! – отмахнулся он. – Вы же будете рядом со мной. А я сумею защитить вас от любой змеи. Лично я опасаюсь их не больше, чем дождевых червей. Может, у вас есть более серьезные вопросы?

– Вообще-то есть один, – признался я. – Мне хотелось бы доподлинно знать, где в данное время находится некий предприниматель по фамилии Шарифджанов.

– Хм! Вижу, вам уже нашептали, – сразу же насупился Надыбин.

– Я узнал по чистой случайности.

– Но я не поддерживаю с ним никаких отношений.

– Вы в ссоре?

– Вовсе нет. Просто не поддерживаю отношений, ни хороших, ни плохих. Так уж сложилось. Наши интересы не пересекаются. При всем при этом я считаю его симпатичным дядькой.

– Он случайно не из Самарканда?

– Не пойму, куда вы клоните, – уставился на меня Надыбин. – Повторяю еще раз: я никак не пересекаюсь с Шерифом, ни в чем. У нас с ним нет никаких общих дел. Я и видел-то его всего два-три раза в жизни. Понятия не имею, откуда он родом. Очевидно, что из Средней Азии. Но в нашем городе он осел уже давно, еще в советские времена. Внешне он похож, скорее, на мексиканца, чем на азиата. По-русски говорит с легким акцентом, но грамматически – безукоризненно. Сейчас у него крупный бизнес, и все его основные интересы сосредоточены здесь. Между прочим, он считается известным меценатом. Вот недавно выкупил на зарубежном аукционе очень дорогую картину и преподнес ее в дар Эрмитажу. Это событие освещали все программы новостей, неужели не видели?

– И все-таки, попробуйте узнать, где он сейчас?

– Да как же я об этом узнаю! Впрочем... Для вашего спокойствия попробую спросить у племянника, – он высветил на трубке номер: – Юрий, ты? Слушай, у меня к тебе несколько странный вопрос. Только не нужно ломать голову, для чего мне это понадобилось. Просто ответь, если знаешь: где сейчас Шериф? Ну да, тот самый. – Пока длилась

пауза, он не сводил с меня глаз. Но вот оживился: – Ага, понял! Полчаса назад, говоришь? Спасибо, парень, это важная информация. Нет-нет, деловыми вопросами меня сейчас не грузи. Я сам перезвоню тебе ближе к вечеру, тогда и обсудим.

Он отключил связь и повернулся ко мне:

– Юрий, мой племянник, сказал, что сегодня в Питере проходил экономический форум. Сам Юрий там тоже присутствовал и видел Шерифа собственными глазами. Более того, даже накоротке пообщался с ним в кулуарах, и тот сообщил моему парню о своей поездке в Германию, откуда только что вернулся. Их беседа имела место буквально полчаса назад. Ну? Какие еще у вас остались фобии?

– Если вы решили, что мой вопрос относительно Шерифа относится к разряду фобий, то это неверный вывод. Фобии – это одно, а осторожность и предусмотрительность – совсем другое, и они, эти качества, еще никому не вредили.

– Вынужден в третий раз вам заявить: мы с Шерифом обитаем в разных мирах. И уж точно: по библиотеке Улугбека никогда не пересечемся, голову даю наотрез.

– Ладно, по боку этого Шерифа!

Тут он вдруг подмигнул мне:

– А у меня для вас небольшой сюрприз. Пойдемте!

Он провел меня в кабинет и не без самодовольства указал на стену, где появилась еще одна репродукция, тоже вставленная в застекленную раму.

– Вы ведь говорили об этой работе, так? – утвердительно поинтересовался он.

Я подошел ближе.

Миниатюра, увеличенная до формата А3, представляла собой многофигурную композицию.

Неизвестный художник разделил пространство рисунка на две равные части по вертикали.

На левой половине был изображен один лишь Улугбек, восседавший по-восточному в своей царской охотничьей палатке.

В правой половине в почтительном ожидании замерли родственники правителя и приближенные.

Каждая фигурка была с тщанием и изяществом выписана отдельно.

– Вот все четыре жены Улугбека, – пояснил я хозяину, воспользовавшись в качестве указки взятой со стола ручкой. – Чуть в стороне – их прислужницы, а точнее, фрейлины. Здесь оба сына Улугбека – Абдулатиф и Абдуазиз...

– Совсем еще мальчики, – заметил Надыбин.

– Абдулатиф, скорее, уже подросток. Здесь – эмиры и вельможи. А тут, в правом верхнем углу, сокольничий с малолетним помощником. Сокольничий, как видите, изображен седобородым стариком, следовательно, это не Али Кушчи, который был на восемь лет младше Улугбека. Впрочем, это и понятно, ведь к моменту написания миниатюры Али Кушчи уже занимал при дворе более высокий пост, а его

прежние обязанности сокольничего перешли, надо полагать, вот к этому старику...

– Али Кушчи – это тот, кто прятал библиотеку? – переспросил Надыбин.

– Да, – кивнул я. – Бывший сокольничий Улугбека, выросший в крупнейшего астронома и математика своего времени. Единственный человек, которому Улугбек на протяжении всей своей жизни доверял всецело. Только он один мог знать точное местоположение тайника. Не исключено, что ваш самаркандский документ частично написан его рукой. Впрочем, к его персоне мы с вами, полагаю, будем возвращаться еще не раз.

Надыбин подошел и встал рядом:

– Так значит, подлинник этой миниатюры написан еще при жизни Улугбека?

– Ни в одном из источников мне не приходилось встречать возражений специалистов на этот счет.

Какое-то время мы молча смотрели на репродукцию, перенесшись мыслями на неполные шесть столетий назад.

Хозяин вдруг переполошился:

– Послушайте, а ведь соловья баснями не кормят. Давайте-ка позавтракаем вместе. Заодно я опишу вам в общих чертах своих родственников. Дам, так сказать, информацию к размышлению.

– Не вижу причин для отказа...

ГЛАВА 11. ТРИ ПРЕТЕНДЕНТА

Тело Тимура еще не остыло, а в царской палатке уже разгорелись жаркие споры.

Нет, речь шла не о завещании великого эмира, последнюю волю которого никто не решился бы в тот момент подвергать сомнению, да еще публично.

Спорили о другом.

Одни выступали за то, чтобы скрыть смерть великого эмира от войска и народа, тело временно похоронить в каком-либо удаленном мавзолее, а затем продолжить поход на Китай.

Другие стояли за пышный государственный церемониал похорон и за скорейшее возведение на престол наследника, который и вынес бы решение о дальнейшей судьбе похода.

Жизнь в считанные часы сама разрешила этот спор.

Ибо уже вскоре весть о смерти «сотрясателя вселенной» неведомыми путями разнеслась по всему лагерю и птицей полетела дальше, во все концы необъятной державы.

Разве такую новость можно было удержать взаперти?

Эмиры и вельможи постановили, наконец, быстрее вернуться в столицу и приступить к устройству государственных дел уже без Тимура.

К наследнику Пир-Мухаммеду, в далекий Кандагар, лежавший за занесенными снегом перевалами, помчались гон-

цы с разъяснительными письмами.

Но гораздо раньше другие гонцы домчались до Ташкента и до Ясы, где стояли, соответственно, полки правого и левого крыла армии.

Ведь находившиеся здесь эмиры и вельможи тоже должны были дать, согласно последней воле Тимура, клятву верности новому правителю державы.

Первым получил это известие принц Халиль.

Он тут же собрал своих военачальников и заявил им:

– Наследник достигнет Самарканда еще не скоро, ведь горные перевалы сейчас непроходимы. А без твердой власти в стране может начаться смута. Только армия способна обеспечить порядок в это тревожное время. Я принял решение незамедлительно отправиться с авангардом в столицу и лично оберегать престол, вплоть до прибытия Пир-Мухаммеда. Нельзя терять ни минуты!

В тот же день похожая картина наблюдалась в Ясах.

Узнав о смерти Тимура, Султан-Хусейн тотчас помчался в Самарканд во главе отборного отряда из тысячи верных всадников.

Трудно представить, чем он руководствовался, решаясь взвалить на себя такую ответственность.

Принц Халиль все же имел популярность в армии, почитался за отвагу и удаль, а история с женитьбой на бывшей наложнице ему ничуть не повредила, скорее, даже напротив.

А вот на принце Хусейне все еще лежало позорное пятно

дезертира и перебежчика, наказанного палками перед строем.

Быть может, его вела на очередную авантюру надежда смыть это пятно посредством новой дерзкой выходки?

Первым Самарканда достиг Халиль.

Городские власти открыли перед ним ворота, а главный казначей вручил ему ключи от царских сокровищниц.

По сути, это был военный переворот, ибо Халиль и в мыслях не держал уступать власть Пир-Мухаммеду, тем более что тот находился где-то за горами, за долами.

Хусейн, припозднившийся всего на несколько часов, покручинился немного, а затем предложил свои услуги более удачливому сопернику.

Предложение, как говорится, было с благодарностью принято.

Ровно через месяц после смерти великого эмира состоялся торжественный обряд его похорон.

Живший в ту пору историк так описал внутреннее убранство мавзолея, ставшего последним прибежищем для «сотрясателя вселенной»:

«На могилу Тимура были положены его одежды, по стенам были развешены предметы его вооружения и утвари. Все это было украшено драгоценными камнями и позолотой; цена ничтожнейшего из этих предметов равнялась подати целого округа. С потолка, подобно звездам на небе, свешивались золотые и серебряные люстры; одна из золотых

люстр весила 4000 мискалей (золотников). Пол был покрыт шелковыми и бархатными коврами. Тело через некоторое время было переложено в стальной гроб, приготовленный искусным мастером из Ширази. К гробнице были приставлены, с определенным жалованьем, чтецы Корана и служители, к медресе – привратники и сторожа».

Всё это время Халиль не устал повторять, что он бережет трон для Пир-Мухаммеда.

При этом принц вместе со своей любимой женой полностью заняли царский дворец и вели себя, как полновластные государи.

Но вот Халилю доложили, что законный наследник переправился через Амударью.

Вопреки всем своим заверениям, самозванный правитель послал против него 30-тысячное войско во главе с Султаном-Хусейном.

Незадачливый наследник был отброшен в Северный Афганистан, при этом у победителя Хусейна развилось такое головокружение от успехов, что он снова посчитал себя достойным высшей власти и повел войска на Самарканд.

Халиль занялся подготовкой к обороне.

Да и Пир-Мухаммед, не собиравшийся выходить из большой игры, начал набирать новое войско.

Стоит напомнить, что все трое были по отношению друг к другу двоюродными братьями – членами одной и той же «крепкой» Семьи, питомцами одного и того же Дома.

И вот через считанные месяцы после смерти великого эмира в стране, которую ее создатель считал «образцовой державой», наступило то, о чем Тимур не мог помыслить даже в страшном сне – великая смута.

О борьбе, в которую включились законный наследник и двое самозванцев, хотя и царского рода, можно рассказывать очень долго.

Эта борьба шла с переменным успехом и имела множество драматических нюансов, пока всем не стало ясно, что ни один из претендентов не в силах одолеть двух других.

Словом, ложилась абсолютно патовая ситуация.

И вот тут-то неожиданно для многих на арене событий появился богобоязненный, «тихий» Шахрух.

Младший сын великого эмира словно бы только сейчас вспомнил, что по своему положению он имеет больше прав на верховную власть, чем, по крайней мере, двое молодых самозванцев.

Итак, претендентов стало четверо.

В тот же период держава Тимура начала «усыхать»: от нее отпал Азербайджан с Тебризом, а также Ирак.

Под Тебризом жуткой смертью погиб Мираншах, и теперь Шахрух остался единственным здравствующим сыном Тимура, что, конечно же, существенно подкрепляло его претензии на престол.

Глава 12. ЗВАНЫЙ УЖИН

Когда я оказался уже в третий раз за последние дни во владениях Надыбина, у меня появилось стойкое ощущение, что я знаком с хозяином давным-давно и знаю о нем и его привычках решительно всё.

Сегодня в особняке царило непривычное оживление, собралась, должно быть, вся прислуга, включая приглашенный персонал. Вежливый садовник облагораживал клумбы и подстригал живую изгородь, кухарка с помощницей колдовала у плиты, горничная в кокетливом фартучке смахивала пыль с экспонатов коллекции, какой-то квадратный тип, похожий на мистера Мускула, чистил пылесосом ковры...

Естественно, всех этих людей я видел впервые.

Само собой, нес свою молчаливую вахту водитель Анатолий.

Но я уже знал, что к вечеру, после ухода гостей, все эти люди тоже покинут особняк, и Надыбин останется в своих многочисленных комнатах один.

К моему удивлению, телохранителя у него не было вообще.

На мой вопрос Надыбин ответил, что в этом нет нужды. Поселок надежно охраняется по периметру, повсюду установлены телекамеры слежения и приборы сигнализации, ко-

торые, как можно предположить, действуют весьма эффективно, ибо за все годы, что существует эта «деревенька», здесь не случилось ничего криминального.

«А кто же тогда в тебя стрелял, Мишаня?! – вертелось у меня на языке, но я промолчал.

Время задавать такие вопросы, еще не пришло.

Но даже не будь злополучного выстрела, следы которого я видел собственными глазами, лично мне в таком доме было бы по ночам жутковато.

Не подлежало сомнению и то, что Надыбин обходился без женской ласки, по крайней мере, в текущий период своей жизни. Нигде не было заметно следов той неуловимой атмосферы, которые обычно оставляет после себя близкая женщина. Правда, на второй этаж, где находились его личные апартаменты, хозяин меня еще не приглашал, но мне почему-то казалось, что и там я обнаружу лишь унылые свидетельства его отшельнического образа жизни.

Похоже, этот человек и впрямь был одержим единственно своей навязчивой идеей, которая заменяла ему прочие радости жизни.

Бедный Надыбин...

* * *

Гости прибыли минут через сорок после меня.

Две пары, каждая на своем дорогом автомобиле с водителем.

К этому времени в столовой, которой, похоже, Надыбин

пользовался крайне редко, уже был накрыт стол. Столовая располагалась в противоположном от кабинета крыле здания и соединялась с верандой, которая смотрела своими большими раскрытыми окнами на зеленый уголок сада с беседкой.

Я уже заметил, что, несмотря на некоторую прижимистость, Надыбин любит комфорт и удобства, не скупясь на хозяйственные расходы.

По случаю званого ужина в доме появились еще двое молодых людей, – как я понимаю, гарсонов для подачи готовых блюд.

Гости были те самые, которых так красочно описали мне мои приятельницы Жанна и Юля.

Первым прибыл племянник Надыбина вместе с женой.

Юрий Павлович, генеральный директор фирмы, внешне весьма походил на своего дядюшку (всё же родные гены!) – такой же статный, крепкий и благополучный, с той же сумашедшиной во взгляде. Вместе с тем, у меня сразу же возникло чувство, что внешними приметами их сходство и исчерпывается. По доброй воле племянник не стал бы искать библиотеку Улугбека, да и другим не дал бы на это дело ни рубля.

Его жена Эмма – невысокая, подвижная, с острым носиком и цепкими глазками – была похожа на затаившуюся лисичку, которая не упустит случая ухватить посильную добычу, особенно если та зазеваается. По тем взглядам, которые она бросала на мужа, нетрудно было заключить, что она

охотно признает в нем семейного лидера и не жалеет сил для обустройства их семейного гнездышка, но и требует от спутника жизни ответной верности.

Когда нас познакомили, Эмма скользнула взглядом по моему «простонародному» костюму, и на ее тонких губах промелькнула красноречивая ухмылка.

Я понял, что дамочка без колебаний занесла меня в черный список знакомых, которых с легким сердцем можно не приглашать на семейные торжества.

Следом за этой парой приехала «мачеха» с собственным сыночком.

Что ж, Жанна и Юлия, описав ее, ничуть не погрешили против истины.

Если бы я не был заранее посвящен в родственные отношения этой семьи, то решил бы, что Лариса Леонардовна, скорее, – дочь Надыбина, настолько привлекательно и молодо она выглядела.

Тоже невысокая, но очень стройная, с тонкими изящными ногами и узкими бедрами, она, полагаю, при вечернем освещении могла бы даже без особых ухищрений выдавать себя за девушку. Ее пышные вьющиеся рыжеватые волосы, перехваченные бархатной лентой, подчеркивали горделивую посадку головы. А выразительные темные глаза могли обмануть своим выражением наивности даже такого искушенного типа, каким я считаю себя.

На ней было черное, простого покроя, но весьма дорогое

платье, с которым превосходно гармонировали бриллиантовые сережки и золотое кольцо.

Женщина-праздник, чего тут добавишь!

Она подарила мне мягкую, приветливую улыбку и протянула руку для пожатия, но таким жестом, который свидетельствовал о привычке протягивать ее для поцелуя.

Определенно она была не из той породы, кто оценивает нового знакомого только по одежке.

Ларису сопровождал ее сын – тщедушный херувимчик с мягким безвольным подбородком, выглядевший подростком, хотя по моим «агентурным» сведениям ему было хорошо за двадцать.

Он держался на пару шагов позади матери и, казалось, витал в каком-то другом мире, в упор не замечая окружающих.

Несмотря на любезные улыбки, чувствовалось, что для всех предстоящая процедура в тягость. Очевидно, наш хозяин тоже осознавал это, намереваясь быстрее закончить мероприятие, которое еще и не началось-то.

Явно пренебрегая светской беседой, он провел гостей в столовую. Здесь велел прислуге выйти и закрыть за собой двери, а затем жестом предложил нам располагаться за накрытым столом.

Выждав, когда все рассядутся (сам он так и продолжал стоять), Надыбин обвел пристальным взглядом своих родственников и заговорил, бросая слова, как тяжелые гири:

– Дорогие гости! Я попросил приехать вас потому, что на-

мерен сделать важное заявление. Собственно, вы уже давно знаете о том, что я мечтаю посвятить остаток своей жизни научному поиску. Я хочу устроить всё так, чтобы никакая мелочь не отвлекала меня более от моих планов. Поэтому я намерен ликвидировать дело, продав его кому-либо из наших партнеров. Пускай вас это не тревожит, ибо каждый из вас, то есть, я имею в виду тебя, Юрий, и вас, Лариса, получит свою долю, которой будет вправе распоряжаться самостоятельно.

– Но, дядя Миша, почему вам непременно хочется устроить революцию? – воскликнул племянник, несомненно, продолжая давний спор. – Наша фирма имеет устойчивые перспективы, дает стабильный доход, вот и пусть работает. А деньги на экспедицию, раз уж без нее никак нельзя, можно взять в кредит. Одно другому не помеха. Зачем нужна эта горячка, не пойму!

Надыбин насупился:

– Есть хорошая поговорка о двух зайцах, и я намерен следовать заключенной в ней мудрости. Жизнь, к сожалению, полна неожиданными поворотами и казусами. У Шлимана финансовые дела тоже шли превосходно. Но когда он уже готовился переключиться с бизнеса на археологические раскопки, то нашелся некий купец, который оклеветал его и втянул в судебный процесс, из-за чего Шлиман потерял целый год и понес большие убытки. Я не хочу, чтобы нечто подобное случилось со мной. Не хочу зависеть от случая, от стечения

обстоятельств, от финансового кризиса, от воли либо интриг других людей. Пусть даже риск ничтожен, я всё равно не хочу испытывать судьбу. Итак, повторяю: я продаю фирму. Я поступлю по примеру человека, который вписал свое имя в историю, – и он поднял глаза на портрет Шлимана, который висел и в столовой тоже.

– Дался вам этот немец! – с досадой воскликнул Юрий.

– Настоятельно попросил бы присутствующих уважать мои взгляды, – на октаву повысил голос Надыбин. – Я, кажется, никогда не позволял себе вмешиваться в ваши личные дела.

– Но это не личное дело! – загорячился и Юрий.

– Нет, личное! – хозяин хлопнул ладонью по столу. – Для меня это личное дело! Не забываетесь.

– Извините, я имел в виду совсем другое, – пошел на пятую Юрий. – Вот вы предлагаете раздробить капитал... Но это не такая простая процедура, и ее невозможно запустить мгновенно. Мы связаны договорами, у нас есть партнеры, есть клиенты...

– Хорошо, сколько времени потребуется, чтобы закрыть все вопросы?

– Так сразу не ответишь, нужно посчитать...

Должен сказать, что за вспыхнувшей полемикой я следил не очень внимательно. Я вдруг поймал на себе мягкую улыбку Ларисы, улыбку, которая вовсе не выглядела дежурной. Это была улыбка-сигнал, уж я разбираюсь в таких вещах.

Но чтобы вот так сразу, чуть ли не с первой минуты?

А Лариса уже повернулась к Надыбину.

– Я вас прекрасно понимаю, Мишель, – тут она снова послала мне мимолетную улыбку. – Есть вещи, которые нельзя объяснить одной житейской логикой. Вот я, например, хочу издавать газету. И я буду ее издавать, хотя меня тоже отговаривают. Понимаете, я вижу ее перед собой, чувствую, что она будет успешной. Обязательно нужно идти за своей мечтой! – ее глаза влажно заблестели.

Если это и была игра, то весьма искусная.

– Послушайте, Михаил Викторович! Насколько мне известно, ваш любимый Шлиман между раскопками снова и снова возвращался к финансовым операциям, – подала голос лисичка.

Похоже, эта парочка, готовясь к противостоянию со своим упрямым дядюшкой, была вынуждена проштудировать биографию немецкого любителя археологии, подумалось мне.

– Вообще-то, Шлиман даже из своих раскопок сделал бизнес, – нежданно заговорил херувимчик. – Он издавал большими тиражами книги, выступал с лекциями, а главное – тайно вывез лучшие из находок, где было немало золотых вещей...

– Ты ошибаешься, парень! – отрезал Надыбин, с трудом, как мне показалось, сдерживая ярость. – Свою богатейшую коллекцию находок Шлиман безвозмездно передал немецкому народу. Для него, вечног искателя, это не было бизне-

сом. Никогда. Это было страстью его жизни!

– Послушайте! – примирительно воскликнула Лариса. – Мы ведь уже обсуждали эту тему. И не один раз. Стоит ли заново идти по знакомому кругу? – она повернулась к Юрию с его лисичкой: – Глава нашего предприятия, уважаемый Мишель, – самостоятельный мужчина, и умеет отвечать за свои поступки. Он знает, что делает. По его настойчивости мы чувствуем, что решение принято раз и навсегда. Давайте же уважать это решение. Притом, если я правильно поняла, детальный разговор еще впереди?

– Да! – кивнул Надыбин. – Сегодня я просто объявил вам о своем решении. В ближайшие дни я должен совершить одну непродолжительную поездку с моим секретарем господином Голубевым, еще раз обращаю на него ваше внимание, прошу любить его и жаловать! – широким жестом он указал в мою сторону.

Я встал и церемонно поклонился.

– После нашей поездки мы с вами соберемся еще раз для детального и уже окончательного разговора, – заключил он. – А ты, Юрий, подготовь к этому времени все необходимые бумаги.

– Вот и чудненько, – улыбнулась Лариса. – А сегодня давайте веселиться. Такой замечательный, теплый вечер! И этот наплывающий запах моря... Вы не пригласите меня на танец? – она чуть наклонилась ко мне и одновременно подавала какой-то знак своему сыну.

Гарик поднялся и распахнул двери, ведущие на веранду. Там он поколдовал немного, и вот зазвучала музыка.

Мы с Ларисой вышли на свободное пространство веранды и встали друг напротив друга, начиная танец.

Никто не последовал нашему примеру.

Юрий что-то увлеченно доказывал хозяину, чертя на салфетке некие схемы.

Его Эмма пристроилась за спинами мужчин и кивала головой, очевидно, в знак согласия с мужем.

Херувимчик же и вовсе куда-то исчез. Мельком я заметил, как он прошел через сад. Вскоре во дворе взвыл автомобильный мотор.

– Кажется, ваш сын покидает этот гостеприимный дом, – сообщил я Ларисе.

– Ему смертельно скучно с нами, – рассмеялась она. – По его убеждению, все мы – пещерные люди, не способные оценить всей прелести виртуальной вселенной. Он целиком обитает в компьютерном мире. Я с огромным трудом уговорила его на эту поездку. Гарик согласился лишь потому, что об этом попросил Мишель.

– Стало быть, он уважает мнение Михаила Викторовича?

– В определенной степени, – кивнула она. – Ведь Мишель тоже не от мира сего. Они с Гариком, как это ни странно, – родственные души.

Что-то не похоже, чтобы Надыбин симпатизировал этому парню, подумал я, припоминая, с какой резкостью хозяин

оборвал единственную реплику «компьютерного гения».

Однако же меня всё больше волновали флюиды ответной приязни, исходившей от моей партнерши по танцу.

– Сказать по правде, мне было приятно встретить среди незнакомых людей очаровательную женщину с таким удивительно теплым взглядом, – сказал я ей. – Ваша телепатическая поддержка придала мне уверенности, которой мне так не хватает.

– Я вовсе не такая легкомысленная особа, какой, быть может, кажусь, – ответила она с прежней улыбкой. – Я много читаю и просматриваю почти всю нашу городскую прессу. Давно уже обратила внимание на ваши публикации. Из них составила симпатичное мнение о вас, и как об авторе, и как о человеке, хотя ни разу вас не видела. И вот сегодня буквально была поражена, насколько всё совпало. Подобное случается так редко, что я почти влюбилась! – и она дразняще рассмеялась, давая понять, что это признание, быть может, не только шутка.

Ну, давай же, парень, сказал я себе, не теряйся, ведь ворота крепости приоткрылись сами.

– Я как-то не привык, чтобы женщины делали мне комплименты, – признался я. – Но вот выясняется, что это приятно.

– Ладно, тогда рискну сделать следующий ход. Я ведь действительно собираюсь издавать газету. И если у вас что-то не заладится с Мишелем, он ведь очень непростой человек, то

я возьму вас к себе. А со мной вам будет легко, – она снова заглянула мне в глаза, и у меня закружилась голова.

До чего же мы, пишущие мужики, падки на лесть!

Между тем, разговор за столом становился всё громче.

– Ну, и когда вы намерены начать процедуру? – допытывался Юрий.

– Как только мы с господином Голубевым вернемся из Швеции, где намерены осмотреть поднятый парусник.

– Стало быть, вы предполагаете заняться подъемом затонувших сокровищ? – вздохнул племянник и переглянулся с женой.

– Это один из вариантов. Но, как я понимаю, мой выбор не особенно вас волнует. Так что мы не будем больше касаться сегодня этой темы. Впрочем, при любом исходе вы узнаете все подробности. Но уже после нашего возвращения из Швеции, – он сделал ударение на последнем слове.

– Что ж, тогда есть смысл поднять бокалы за вашу поездку.

За всё это время Надыбин даже не прикоснулся к спиртному, зато выпил огромное количество кофе без сахара, до которого был большой охотник.

А вот Лариса в горячительном себе не отказывала, ничуть не пьянея при этом.

Мне припомнилось, что когда-то я готовил для одной редакции материал о «королевах экрана Третьего рейха», в числе которых была шведка Зара Леандер, самая высо-

кооплачиваемая звезда нацистского кино. Эта Зара слыла гроссмейстером по части выпивки. Однажды она перепила на спор министра экономики, который расхвастался, что у него давняя закалка. Победа была абсолютно чистой, поскольку министр свалился со стула на пол, и его помощникам пришлось его выносить. А Зара, как ни в чем не бывало, продолжила застолье.

Полагаю, Лариса могла бы перепить даже Зару.

Впрочем, высококалорийные закуски вроде качественной красной икры и нежнейшей семги помогали нейтрализовать градусы...

Прозвучали еще два-три тоста, после которых расстановка сил за столом существенных изменений не претерпела.

В какой-то момент мы с Ларисой снова оказались на веранде.

Воздух уже начал темнеть.

Она коснулась губами моего уха и прошептала:

– А давай потихоньку улизем отсюда?

– Но как? Я лично безлошадный, а на твоей машине, кажется, укатил Гарик.

– Машина уже вернулась и ждет с той стороны ворот.

– С хозяином будем прощаться?

– Не надо. Ведь всё, ради чего собирались, уже сказано. А уходить здесь принято по-английски.

– Тогда – вперед!

Едва мы устроились на заднем сидении автомобиля, как

Лариса приподнялась и впиалась в мои губы долгим поцелуем.

Как я и предполагал, в этом изящном теле таилась бездна энергии и страсти.

– Домой, – бросила она водителю, и мы помчались к Приморскому шоссе.

Разумеется, держа друг друга в объятьях.

Глава 13. УГЛОВОЙ ДИВАН

Совершенно не помню, долго ли мы ехали, как выглядел подъезд дома, в который мы вошли, на какой этаж поднялись...

И уж, конечно, вовсе не коньяк господина Надыбина вверг меня в то восторженное состояние, которого, признаться, я давненько уже не испытывал.

...Из глубины длинного коридора, освещенного лишь скудным светом ночника, навстречу нам вышла молодая, неказистая и неулыбчивая женщина монументальной комплекции.

– Всё в порядке, Маша, – сказала ей Лариса. – Можешь идти отдыхать. До утра ты мне уже не понадобишься.

Маша молча кивнула и, отступив в густой полумрак, скрылась за боковой дверью.

– Это моя добрая фея-спасительница, – пояснила Лариса. – Помогает вести хозяйство. Что бы я без нее делала! Впрочем, забудь про нее. Пойдем на кухню, выпьем по чашке кофе...

Она повела меня куда-то и усадила на что-то мягкое.

– Знаешь, зайка, дома я привыкла ходить по-домашнему. Пойду переоденусь. А ты пока покури.

Она ушла, и только оставшись в одиночестве, я почувствовал себя способным оглядеться по сторонам.

Я действительно находился на кухне, но шикарной кухне, которая, пожалуй, была просторнее всей моей квартиры.

Сам я восседал на большом угловом диване, по которому были разбросаны маленькие тугие подушечки.

Неяркий свет бра освещал передо мной крепкий стол из натурального дерева, за которым можно было бы собрать приличную компанию.

Всевозможные шкафчики и буфеты, тонувшие в расслабляющем полумраке, ничуть не нарушали впечатления комфортности и удобства.

Милое местечко!

Лариса вернулась, когда я начал уже немного беспокоиться. Я думал, что она явится в каком-нибудь умопомрачительном халатике, но на ней было только узенькое бикини, оставившее неприкрытыми все ее прелести.

Она выглядела свежо и молодо.

– Тебе не жарко в пиджаке? Да и брюки, по-моему, лишние. Не стесняйся... – она расположилась рядом, но не вплотную. Но я все равно ощущал исходящий от нее жар.

– Твой Гарик не имеет привычки заглядывать на кухню по вечерам? – на всякий случай осведомился я.

– У Гарика другая квартира, – объяснила она. – На этой же лестничной площадке. Вход, как понимаешь, отдельный. Правда, на всякий пожарный случай есть у нас и общая внутренняя дверь. Но Гарик не имеет обыкновения пользоваться ею, особенно, когда у меня гости. Я ведь тебе говорила: он

живет в виртуальном мире. Так что не беспокойся. Но даже если он войдет, что тут страшного? Мы же с тобой не вампиры и не собираемся пить кровь невинных младенцев. Можешь раздеваться, как тебе удобнее. Хоть совсем. Для сведения: душ в торце коридора. Но учти: сначала мы выпьем кофе и покурим. Впрочем, можно добавить и коньяка. Достань бутылку из бара. Вот так. А теперь расскажи что-нибудь приятное для души.

Я рассказал ей про Зару Леандер и про то, какие ассоциации вызвал этот образ у меня.

Лариса расхохоталась и провела рукой по моему колену.

– Кстати, а почему ты называешь своего родственника Мишелем? – спросил я. – По моим наблюдениям, другие имена ты на французский лад не переименовываешь.

Она развела руками:

– Так называл его покойный отец – мой муж. Я всего лишь была вынуждена следовать этой привычке, которая постепенно укоренилась.

– Как я понимаю, Михаил Викторович – сложный человек, – забросил я удочку, решив, что дополнительная информация «из первых рук» мне не помешает. – И всё же я рассчитываю, что сумею с ним поладить.

– Да, он – сложный человек, – ответила она, показав улыбкой, что видит мою хитрость насквозь. – Мишель не из тех, кто склонен к компромиссам. Пока ты устраиваешь его, он будет считать тебя другом и даже расшибется в лепешку, что-

бы оказать тебе какую-нибудь пустяковую услугу. Но если он вдруг заподозрит, что ты ведешь себя с ним неискренне, то мгновенно превратится в тигра, способного растерзать при определенных обстоятельствах даже за неудачную шутку. Его гипертрофированная подозрительность уступает по своей мощи только его мнительности. Никогда не пытайся играть в его доме за его спиной.

– Похоже, мое первое впечатление оказалось обманчивым, – посетовал я.

– Зайка, со мной тоже не надо хитрить, – она слегка ударила под столом своей ножкой по моей щиколотке. – Тем более у тебя это не очень получается. Только без обиды, ладно?

– Обижаться на красивую и умную женщину, всё равно, что носить воду в решете, – философски изрек я. – А то, что я по своей натуре не интриган, так это святая правда.

– Ты не интриган, но это не недостаток, а твое достоинство, – сказала она. – Это вызывает к тебе доверие. Именно поэтому ты здесь.

Было в ее словах какое-то противоречие, но я не мог его ухватить, то ли по причине выпитого коньяка, то ли потому, что у меня внезапно появилось ощущение, будто там, в темном коридоре, за углом кухни кто-то стоит и слушает наш разговор.

– Так и быть, – продолжала между тем Лариса, – расскажу тебе одну историю. И в назидание, и для того, чтобы ты все-таки понял, что я тебе доверяю. Так вот, когда умер мой муж

– его отец и оставил Мишелю всё свое состояние, я решила подстраховаться, ну и, скажем так, добиться чисто женскими уловками приязни с его стороны. Но что-то не сработало. Я поняла, что совершила ошибку. Он и раньше по понятным причинам недолюбливал меня, считая, что я соблазнила его отца из корысти, а тут и вовсе настроился на скандал. Хотя скандалов он не любит и даже боится их. И вот тогда, здраво оценив обстановку, я поняла, что должна исправить свою ошибку. Чем? Искренностью! Я снова пришла к нему и объяснила мотивы своего недавнего намерения. Рассказала, как боялась остаться без средств, со взрослым ребенком на руках, без жилья, ну и так далее. И эта моя искренность проняла его. Он расчувствовался и ответил, что не держит на меня зла. Нет, мы не стали друзьями, но сохранили ровные, уважительные отношения. Понимаешь? Ему нельзя давать повода считать, что ты пытаешься в чем-то его переиграть. Если совершишь какую-нибудь ошибку, постарайся тут же с ним объясниться и говори всю правду без утайки, иначе завтра будет поздно. В отношениях с ним нельзя переходить некую условную красную черту, вот в чем суть. Но правда и то, что очень трудно предугадать, где она проходит, эта черта.

– Весьма ценю твой совет, как и твою откровенность, но, право же, я не собираюсь давать ему ни малейшего повода для сомнений.

– Твои намерения, зайка, – это одно, а вот что он сам по-

думает о тебе – это совсем другое.

– Значит, я сделал бы ошибку, задав ему, например, вежливый вопрос о здоровье его дочери? – несмотря на иезуитскую проницательность моей собеседницы, я всё же решил-ся забросить вторую удочку.

– Это было бы непростительной глупостью с твоей стороны, – покачала она головой. – Чего он точно на дух не переносит, так это расспросов об Арине. В нашей семье, да и в нашей фирме эта тема – табу! – тут она заглянула мне в лицо: – А кто тебе сказал о его дочери?

– Сейчас и не вспомнить. Кто-то из знакомых, случайно, притом без всяких подробностей. Просто сообщил факт, что у Надыбина есть взрослая дочь, с которой он не поддерживает никаких отношений.

– Если хочешь, я могу кое-что рассказать тебе об этом. Но сначала давай выпьем.

Я наполнил бокалы, мы приложились, и она продолжила: – Это довольно темная история. Даже в кругу родни существует несколько ее версий. Я расскажу тебе ту, которую слышала от покойного Виктора. Но учти, мой муж был лицом заинтересованным, поэтому мог кое-что присочинить. Впрочем, в его интерпретации есть зерно истины. Ну, слушай!

Во времена далекой молодости, еще при старой власти, у Мишеля был роман с однокурсницей. Как нередко случается, та забеременела. И вот Мишель пришел с этой ново-

стью к отцу. Напоминаю, в те времена меня в этом доме еще не было. Может, я сама тогда еще только-только родилась. Повторяю, всё, о чем я рассказываю, мне известно со слов Виктора. Итак, крошка-сын к отцу пришел... А Виктор, надо тебе сказать, был изошренным домашним тираном. По части упрямства Мишель пошел в него. Но, конечно, отцовской беспринципности у него нет. А вот у Виктора, то есть, Надыбина-старшего, этого качества вкупе с акульей хваткой было хоть отбавляй. Если ты хотел решить с ним вопрос, то нужно было тысячу раз подумать, с какой стороны подойти. А Мишель не сумел пораскинуть мозгами. И попал старикану не в настроение. Услыхав, что его сын обрюхатил простую провинциальную девчонку, да еще хочет на ней жениться, папаша пришел в ярость, но в своей манере виду не подал, а разыграл целый спектакль. Он сам однажды откровенно рассказал мне об этом...

Она выпустила к потолку струйку дыма и продолжила:

– Он сказал Мишелю, что не возражает, мол, время еще терпит, и предложил ему поехать на две недели в Крым, дескать, как раз есть горящая путевка, но только на одного человека. Обрадованный неожиданной покладистостью отца Мишель клюнул на эту приманку и отбыл на благословенный юг.

Между тем, старикан явился к студентке и предложил ей на выбор два варианта: либо она делает аборт и уезжает из города, либо пишет признание, что забеременела от другого

парня. Какой бы вариант она ни выбрала, ей хорошо заплатят. Причем, старик сумел представить дело так, будто это предложение исходило от сына.

Девушка выгнала его прочь и уехала на свою малую родину, куда-то в Сибирь, в полной уверенности, что ее жених оказался лжецом и негодяем.

Что касается Виктора, то он потирал руки, гордясь той ловкостью, с какой разрулил неприятную ситуацию.

Но это еще не все. Для сына он приготовил отдельный сюрприз.

Едва Мишель вернулся из Крыма, как к нему пришла девушка, назвавшаяся подругой его невесты, и сообщила, что та не хочет с ним иметь ничего общего, что она сделала аборт и уехала в Приморье. Мол, там у нее есть жених – молодой офицер из адмиральской семьи, с которым она была близка еще в выпускном классе.

Надо знать Мишеля, чтобы понять, почему он сразу и целиком поверил в эту фальсификацию.

Оскорбленный в своих лучших чувствах, он даже не попытался что-либо проверить, тем более отправиться на поиски беглянки. Он просто мысли не допускал, что его родной отец мог срежиссировать такой спектакль.

Между тем, в положенный срок у молодой мамы родилась дочка, получившая имя Арина. Мама одна воспитывала ее до 15 лет и внушила ей убеждение, что ее отец – виновник всех их бед. А девчужка-то характером пошла в Надыбиных,

такая же упорная и непримиримая, когда дело касается идеификс.

Жили они скромно, мать часто болела и умерла сравнительно молодой. Говорят, на ее могиле Арина поклялась отомстить отцу, которого она никогда не видела, но с которым связывала все несчастья, выпавшие на долю матери.

– Откуда известны такие подробности? – удивился я. – Ведь дело, как я понимаю, происходило за тридевять земель?

– Земля слухом полнится, – пожала плечами Лариса. – Впрочем, не исключаю, что сцену с клятвой на могиле Виктор просто выдумал. Однако слушай, что было дальше. После школы Арина приехала в Ленинград и выучилась на ветеринара. Стала доктором Айболитом по кошкам и собакам. И будто бы получила в этом качестве абсолютное признание со стороны коллег в своей ветеринарной клинике.

– Она встречалась со своим отцом?

– Сложный вопрос. Каким-то образом о ее появлении первым узнал мой Виктор, то есть, дед Арины. Из каких источников он получил информацию, я не знаю. Виктор был уже стар, и его отношение к факту существования внучки, притом, взрослой, да еще состоявшейся внучки, изменилось на противоположное. Теперь он жаждал установить с ней контакт и даже ввести ее в круг семьи. Он рассчитывал отписать ей кое-какое имущество и надеялся обрести в ней родное существо, ибо к этому времени перессорился со всеми прочими родственниками. У него с Ариной состоялся ка-

кой-то разговор, по ходу которого, полагаю, он пытался выгородить себя, взвалив всю ответственность на Мишеля. Но внучка, проявив удивительную проницательность, не приняла его покаяния. Вскоре, уже незадолго до смерти, в порыве раскаяния он обо всем рассказал Мишелю. Тот бросился к дочери, но она его не пожелала даже выслушать. Я не знаю всех нюансов, но сейчас между отцом и дочерью вообще отсутствуют какие-либо контакты. Мне кажется, Мишель сильно страдает и по-прежнему не знает, как найти выход из этой патовой ситуации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.